Александр Иванович Кутайсов

Александр Александрович Смирнов

SHOUT
SHARE
IT

- Смирнов Александр Александрович

Смирнов Александр Александрович Александр Иванович Кутайсов

Смирнов Александр Александрович
Александр Иванович Кутайсов
{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Hoaxer: биографический очерк, посвящённый павшему на поле боя генералу Александру Ивановичу Кутайсову, "военачальнику русской армии, герою Отечественной войны 1812 года, чье имя выбито на главном памятнике Бородинского поля, на обелиске Бородинского моста через Москву-реку, на опорном кольце здания Музея-панорамы "Бородинская битва", на мемориальной доске Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца в Москве, чей портрет украшает Военную галерею Зимнего дворца в Санкт-Петербурге"

"...А ты, Кутайсов, вождь младой...
Где прелести? Где младость?
Увы! Он видим и душой
Прекрасен был, как радость;
В броне ли, грозный, выступал
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударял
Одушевлялись струны..."

Это строки из поэмы "Певец во стане русских воинов", написанной поручиком Московского ополчения Василием Андреевичем Жуковским в сентябре 1812 года, во время пребывания русской армии в Тарутинском лагере, именно тем выдающимся поэтом, педагогом, художником и воспитателем наследника российского престола. Мать Жуковского была плененной турчанкой, как и отец "вождя младого и грозного", о котором писал поэт. Первая дала жизнь замечательному русскому просветителю, другой - военачальнику русской армии, герою Отечественной войны 1812 года, чье имя выбито на главном памятнике Бородинского поля, на обелиске Бородинского моста через Москву-реку, на опорном кольце здания Музея-панорамы "Бородинская битва", на мемориальной доске Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца в Москве, чей портрет украшает Военную галерею Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, а единственный скульптурный портрет можно увидеть на групповом памятнике "славным сынам народа" на Кутузовском проспекте столицы России.

Отец будущего генерала оказался в русском плену после взятия крепости Бендеры 16 сентября 1770 года во время очередной русско-турецкой войны 1768-1774 годов. Чрезвычайно смышленый и расторопный 11-летний турчонок оказался в Петербурге и был подарен императрицей Екатериной II своему сыну великому князю Павлу Петровичу, будущему Российскому императору Павлу I. При крещении в православную веру мальчик получил имя Иван, отчество Павлович от крестного отца и фамилию Кутайсов по месту своего рождения - городу Кутая (Кютахья). Некоторые постсоветские авторы публикаций и Кутайсовых утверждают, что местом рождения Ивана Павловича был город Кутаиси, который во второй половине XVIII века не был турецким. Вскоре юноша был отправлен за счет наследника престола за границу, где в Париже и Берлине выучился на фельдшера и парикмахера, а вернувшись в Россию стал камердинером великого князя с чином фурьера. Изучив характер Павла Петровича, ловкий и способный молодой человек, как писал об Иване Кутайсове великий князь Николай Михайлович, "умел применяться к своеобразным его проявлениям, благодаря чему не только избегал продолжительного охлаждения, но скоро сделался необходим великому князю и сам приобрел на него влияние"{1}.

С восшествием на престол император Павел I пожаловал Ивану Кутайсову придворный чин VI класса, соответствующий чину полковника. С этим чином Иван Павлович получил права потомственного российского дворянина. Через несколько дней, 8 ноября 1796 года, Кутайсов стал гардеробмейстером V класса, а в день коронования Павла I получил один из старших придворных чинов IV класса обергардеробмейстера. 6 декабря 1798 года ему был пожалован чин егермейстера, т.е. III класса по "табели о рангах", и орден Святой Анны 1-й степени. 22 февраля следующего года Кутайсов был возведен в баронское, а 5 мая - в графское достоинство Российской империи. Его придворный мундир украсил орден Святого Александра Невского. 1 января 1800 года Кутайсов вошел в число первых чинов императорского двора, став оберштальмейстером, что соответствовало гражданскому чину II класса - действительный тайный советник. 19 декабря этого же года Кутайсов удостоился высшего российского ордена Святого Андрея Первозванного и стал рыцарем Мальтийского ордена Большого креста. Поистине феерическая карьера за четыре года!

Естественно, что поток чинов, наград и званий сопровождался щедрыми пожалованиями землями и крестьянами, в результате чего Иван Павлович сделался не только одним из

самых знатных, но и самых богатых людей Российской Империи. Однако корыстолюбие его было безгранично. Г.Р. Державин рассказывал как Кутайсов различными путями стремился подешевле выкупить у С.Г. Зорича его белорусское имение Шклов, приносившее около 8000 рублей ежегодного дохода, с великолепным дворцом и театром. А граф А. Г. Орлов-Чесменский жаловался С. Р. Воронцову на Кутайсова, который хотел заставить графа продать ему подмосковный конский завод в селе Остров.

Великий князь Николай Михайлович, рассказывая о знаменитых россиянах XVII-XIX веков, дал далеко не лестную характеристику любимцу императора Павла I: "Кутайсов был одним из самых ненавистных всем фаворитов. Значение его было велико, но у него не было никаких убеждений, и широкие государственные интересы ему были чужды; склонность к интригам, корыстолюбие, страх за свое положение руководили им. В конце своей блестящей карьеры Кутайсов оставался тем же, чем был при ее начале; влияние его было пагубно для его благодетеля"{2}. И все же Кутайсов был далеко не глупым человеком. И не случайно, на графском гербе Кутайсова был начертан девиз: "Живу одним и для одного"{3}. Конечно же любимец Павла I не мог оставаться в той же роли при преемниках убитого императора, и 16 марта 1801 года граф И.П. Кутайсов в 42 года был уволен от службы и болльше на нее не возвращался. Он покинул Петербург, долго путешествовал за границей, а затем жил помещиком в Москве и своих крупных имениях, имея до 50000 десятин земли и свыше 5000 крепостных крестьян, в основном в Курляндской губернии. Занимался оставшиеся 33 года жизни Иван Павлович успешно сельским хозяйством, коневодством на своем конезаводе в тамбовском имении, производством тканей на суконной и полотняной фабриках, которыми владел.

Иван Павлович очень любил свое подмосковное имение Рождествено (ныне в Истрииском районе). В нем он построил храм во имя Рождества Христова, где был погребен вместе с супругой. В 2001 г. этот храм, переживший почти 80-летнее забвение, осквернение и поругание обрел вторую жизнь. Тогда же были перезахоронены останки храмоздателей, обнаруженные при реставрационных работах в храме. Соседкой по имению Кутайсовых была княгиня Е.Н. Мещерская, владелица села Аносино, имевшая юную дочь Анастасию, которую соседи считали достойной невестой младшего сына Кутайсовых, последний раз навестившего родителей в Рождествено перед отъездом на свою последнюю кампанию. Но судьбе было угодно распорядиться иначе...

Уйдя далеко от власти, Иван Павлович пополнил ряды отставной московской знати, собиравшейся на зиму в первопрестольную. Об одной из таких встреч с Кутайсовым в 1824 году вспоминал балетмейстер А.П. Глушковский, учивший танцевать крепостную балетную труппу из 18 рязанских девушек, которую камергер Г.П. Ржевский продал Московскому театру: "Во время танцевального класса нередко приезжали к Григорию Павловичу его знакомые посмотреть рязанских танцовщиц. Однажды... приехал граф Иван Павлович Кутайсов с генералом от кавалерии Андреем Семеновичем Кологривовым (находился также в отставке. - А.С.) и генерал-майором Федором Ивановичем Мосоловым (состоял по кавалерии без должности и жил в Москве. - А.С.). Войдя в мой класс, граф сказал: "Продолжайте, продолжайте ваши танцы, мы вам никак не помешаем". На это я ответил: "Извините, ваше сиятельство, они устали, позвольте им отдохнуть". Граф продолжал: "Я думаю, и вы не меньше их, не угодно ли вам с нами сесть?" Потом спросил, у кого я учился танцевать; я ответил, что у Дидло. Тогда граф воскликнул: "А, это известный европейский талант! В 1800 году я его из Лондона выписал в Петербург". Граф разговаривал со мной довольно долго, преимущественно о московском театре. Отвечать на его вопросы я несколько затруднялся, потому что у меня в одно и то же время бродили в голове мысли: одна - что следовало отвечать графу, а другая представляла то время, когда граф был могущественным вельможей. Между прочим я думал, что теперь с ним сталось: он подле себя сажает артиста, вступает с ним в разговор об ничтожных вещах; куда девалась его аристократическая гордость; стало быть, придет время, когда могила уравняет всех.

В то время, как я беседовал с графом, приехал Г.П. Ржевский... По приказанию Григория Павловича танцовщицы довольно удачно исполнили танцы; граф и посетители остались ими очень довольны... Гости... разъехались по домам..."{4} Утренние визиты были традиционным ритуалом тогдашней отставной знати, жившей в Москве.

Иван Павлович был женат на Анне Петровне Резвой, от которой имел четверых детей - двух дочерей и двух сыновей.

Старшая дочь Кутайсовых Мария вышла замуж за графа В.Ф. Васильева, а Надежда стала женой князя А.Ф. Голицына. Старший сын Павел (1780-1840) достиг того же уровня придворных чинов, что и отец, став обергофмейстером (1834), действительным тайным советником, сенатором (1817) и членом Государственного совета в 1837 году. Был введен Павел Иванович и в состав Верховного уголовного суда над "декабристами", девять

членов которого составили "Комитет для распределения преступников по разрядам", как вспоминал декабрист А.Е. Розен. Однако, Павел Иванович был известен и своей общественно-полезной деятельностью как член Правления императорскими театрами, комитета по постройке Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, председатель Общества поощрения художников.

В Комитете этого Общества Кутайсов состоял не один год, был популярен среди художников и собирал картины русских мастеров. Именно Кутайсов вел заседание Комитета 22 октября 1825 года, на котором было предложено принять в члены Общества капитан-лейтенанта Н.А. Бестужева, будущего создателя портретной галереи декабристов в Сибири.

Председателем Общества Кутайсова избрали в 1826 году вместо его создателя П.А. Кикина, ушедшего в отставку. "Граф Павел Иванович любил, уважал и поощрял художников, поощрял их с тем тонким вкусом, с тою нежною разборчивостию, которую дают нам превосходное воспитание и раннее ознакомление с образцами великого и прекрасного", - писал автор его некролога в "Санкт-Петербургских Сенатских ведомостях" за 28 сентября 1840 года{5}.

Павел Иванович был знаком с А.С Пушкиным и часто общался с поэтом в Петербурге. Оба они участвовали в подписке на сооружение памятника Н.М. Карамзину в Симбирске и в чествовании Ивана Ивановича Дмитриева. Но принадлежность к общему кругу столичной интеллигенции и взаимоуважение не помешали Пушкину в стихотворении "Моя родословная" (1830 года) отметить превосходство своего деда над Иваном Павловичем Кутайсовым, подчеркнув, что пращур поэта "не ваксил царских сапогов". Думаю, что в данном случае поэт лукавил. Ведь он прекрасно знал, что Иван Кутайсов начал карьеру как невольник, как вещь, подаренная наследнику российского престола "для услуг", поэтому не удивительно, что мальчику-турчонку приходилось чистить сапоги великому князю в силу своего социального положения. Поэтому насмешка тут вряд ли уместна. И надо отдать должное "сметливости и уму" человека, столь высоко поднявшемуся по служебной лестнице вовсе не в силу родовитости.

П.И. Кутайсов был женат на княжне П.П. Лопухиной (родной сестре княгини А.П. Гагариной) и имел двух сыновей - Ивана (женат на Е.Д. Шепелевой) и Ипполита (жена - княжна Н.А. Урусова), и двух дочерей - Анну (замужем за грузинским царевичем Оскопиром Георгиевичем) и Александру (замужем за князем А.А. Голицыным).

Младшего сына Иван Павлович назвал Александром. "Малого

роста, но прекрасно сложенный в силу и красоту, с приятным лицом и значительным взглядом, в веселые свои минуты он был обворожителен. Но почти всегда он был грустен... еще теперь чувствую на себе выразительный, кроткий взгляд прекрасных его черных глаз... Он был поэт в душе..." - таким запомнил Александра Ивановича Кутайсова его хороший знакомый поручик артиллерии в 1812 году, а позднее - известный боевой генерал П.Х. Граббе{6}.

Александр Кутайсов родился в Петербурге 30 августа 1784 года, рос и воспитывался в семье. По заведенной традиции, 6 января 1793 года, на 10-ом году жизни мальчик был записан вицевахмистром в лейб-гвардии Конный полк, а в декабре того же года произведен в вахмистры. Так именовались унтер-офицеры, т.е. сержанты в русской кавалерии. 1 января 1796 года Александра был "переписли" сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк, старейший пехотный полк Российской Императорской армии, и в тот же день переведен в Великолуцкий пехотный полк с чином капитана армии. Ровно через 10 месяцев 12-летний, ни дня еще реально не служивший капитан назначается обер-провиантмейстером в штаб генерал-поручика М.И. Голенищева-Кутузова, будущего генерал-фельдмаршала и первого в России полного Георгиевского кавалера, командовавшего тогда войсками вдоль финляндской границы. 6 сентября 1798 года, после того, как Павел I царствовал уже почти два года, а отец с каждым днем приобретал все большее влияние при императорском дворе, 14-летний Александр получил должность генерал-провиантмейстера - лейтенанта, соответствующую чину VII класса Табели о рангах, т.е. подполковника армии или капитана гвардии. Впоследствии Кутайсов говаривал шутя: "Бог знает, куда повела бы меня судьба, но знаю, что я был бы самый ничтожный провиантский чиновник!"{7}

Вскоре после того как Александру исполнилось 15 лет - возраст начала фактической службы в армии молодых дворян в конце XVIII - начала XIX веков, - 26 января 1799 года он был произведен в полковники с назначением в лейб-гвардии Артиллерийский батальон. Это была первая самостоятельная гвардейская артиллерийская воинская часть, сформированная в 1796 году и состоявшая из нескольких артиллерийских рот, командир каждой из которых мог иметь чин полковника.

Можно не без оснований полагать, что перевод в артиллерию совершился не без влияния дяди юного Александра, родного брата его матери, в то время еще полковника артиллерии Дмитрия Петровича Резвого, боевого штаб-офицера, известного

проявленной храбростью при штурмах Очакова и Праги (предместья Варшавы). Чина генерал-майора Резвой удостоился в октябре 1799 года за участие в Швейцарском походе великого А.В. Суворова.

Родоначальником дворян Резвых стал дед генерала Терентий, поставлявший ко двору Елизаветы Петровны живых стерлядей. Терентий Резвой переехал в Санкт-Петербург из городка Осташкова Тверской губернии. Его сын Петр, развивая дело отца, стал подрядчиком дворцового ведомства при Екатерине II, торговал гастрономическими товарами и фруктами. Однако Д.П. Резвой изменил семейной традиции, став военным. Рассказы дяди увлекли и племянника на военное поприще, который упросил отца о назначении на службу в артиллерию. Итак, 15-летний полковник Александр Кутайсов начал действительную службу в гвардейской артиллерии адъютантом инспектора всей артиллерии и командира артиллерийского батальона генерал-лейтенанта А.А. Аракчеева.

Прекрасно сознавая свои весьма слабые познания в военном деле вообще и в артиллерии в частности, молодой полковник все свободное время отдавал самообразованию. Талантливый и любознательный от природы он с интересом изучал артиллерийскую науку и практику. Недюженные способности позволили ему быстро освоить профессиональные знания и стать вполне достойным занимаемой должности при таком строгом и требовательном к службе начальнике, каким являлся Аракчеев. В период опалы Аракчеева с октября 1799 по май 1803 года А.И. Кутайсов оставался адъютантом у нового инспектора артиллерии генерала от артиллерии А.И. Корсакова. Не случайно поэтому А.И. Кутайсов 24 июня 1801 года был введен в состав "Воинской комиссии для рассмотрения положения войск и устройства оных". Он оказался вместе с дядей в подкомиссии по артиллерии, которая создала первую в России комплексную систему артиллерийского вооружения, включавшую вопросы производства, снабжения, ремонта, организации обучения и боевого применения артиллерии, как рода войск. Предложения комиссии получили высочайшее одобрение, а разработанная ею система стала именоваться "системой 1805 года" или "аракчеевской", по фамилии председателя комиссии.

Согласно принятой системе на вооружении полевой артиллерии были оставлены орудия только четырех калибров - две пушки и два единорога (пушка-гаубица). Унифицировались лафеты, передки, зарядные ящики, орудийные принадлежности, артиллерийский обоз; создавались шаблоны (образцовые детали) всех основных элементов конструкций и "вечные чертежи",

гравированные на медных листах. В основу организации полевой артиллерии была положена рота с входившими в ее штат средствами тяги. Роты делились на пешие, у которых орудийные расчеты перемещались пешком, и конные, прислуга в которых не только имела верховых лошадей, но и обучалась кавалерийскому бою. В свою очередь пешие артиллерийские роты разделялись на легкие и батарейные. Легкие роты состояли из 12 орудий (восемь пушек и четыре единорога) меньших калибров, основной задачей которых была огневая поддержка пехоты непосредственно в ее боевых порядках. Батарейные роты предназначались для создания батарей, как на открытой позиции, так и в полевых укреплениях, поэтому батарейные роты имели в своем составе 12 орудий крупных калибров и менее мобильных. По штатам 1803 года этим ротам придавались по два малокалиберных единорога, исключенных из них окончательно к 1811 году. С 1806 года артиллерийские батальоны и полки заменили трехротные полевые артиллерийские бригады, придававшиеся пехотным дивизиям. К сожалению, начавшаяся в 1805 году война с наполеоновской Францией не позволила завершить внедрение "системы 1805 года" до начала военных действий.

23 июня 1803 года А.И. Кутайсов перевелся во 2-й Артиллерийский полк, шефом которого был его дядя Резвой. Со своим полком в составе корпуса генерал-лейтенанта И.Н. Эссена полковник Кутайсов совершил в конце 1805 года поход в Австрию, но прибыл туда спустя несколько дней после Аустерлицкого сражения, когда военные действия уже прекратились. Войска вернулись в Россию, остававшуюся в состоянии войны с наполеоновской Францией.

Произведенный как "начальствующий" артиллерийским полком 11 сентября 1806 года в генерал-майоры А.И. Кутайсов в конце того де года в составе корпуса генерала от инфантерии графа Ф.Ф. Буксгевдена оказался в союзной Пруссии, на территории которой война была продолжена. Здесь 14 декабря в бою под Голимином состоялось боевое крещение 22-летнего генерала. Искусно распоряжаясь артиллерией, Кутайсов не допустил огневого превосходства неприятеля и в первом же своем боевом деле показал умение быстро ориентироваться в обстановке и действовать умело и решительно.

К началу следующего года все действующие в Пруссии союзные войска соединились под командованием генерала от кавалерии Л.Л. Беннигсена. Личным представителем императора при нем состоял генерал-лейтенант граф П.А. Толстой. Стремясь активной обороной обескровить армию Наполеона и прикрыть свои коммуникации, Беннигсен во второй половине января 1807

года занял позицию у города Прейсиш-Эйлау (ныне - Багратионовск Калининградской области Российской Федерации). Всей артиллерией армии командовал генерал-майор Д.П. Резвой, а правого фланга - генерал-майор А.И. Кутайсов. Около 10 часов 27 января французы начали атаковать правый фланг русских, но безуспешно. Чувствуя, что это лишь отвлекающие действия, Кутайсов около полудня поехал в центр позиции и стал наблюдать за ходом сражения с одной из батарей. Вскоре, обращаясь к сопровождавшему его адъютанту поручику И.К. Арнольди (будущему генералу от артиллерии), он сказал: "Ручаюсь головою, что Наполеон обманывает нас, и скоро всею тяжестью хлынет на наш левый фланг. Поедем туда! Авось мы будем там сколько-нибудь полезны"{8}. И действительно, около 13 часов корпус маршала Л. Даву стремительно атаковал левый фланг русских и, наращивая силу удара, отбросил войска генерал-майора А.И. Остермана-Толстого. Ввод в бой резервов не спас положения и путь отхода русской армии оказался блокированным неприятелем. Минута была критическая и Кутайсов приказал Арнольди как можно быстрее привести с правого фланга три конно-артиллерийские роты. Подошедшие на рысях роты генерал-майора Н.И. Богданова, полковника князя Л.М. Яшвиля и подполковника А.П. Ермолова, развернувшись с хода на единой позиции, открыли убийственный картечный огонь по атакующим колоннам почти в упор. Враг был остановлен и начал отходить. Положение было спасено, а подошедший союзный прусский корпус своей контратакой закрепил успех.

Побывав через два с половиною месяца на месте битвы у Прейсиш-Эйлау, Александр I, окруженный генералами, обратился к Кутайсову со словами: "Мое нижайшее почтение Вашему Сиятельству! Я осматривал вчера то поле, где Вы с такою предусмотрительностью и с таким искусством помогли нам выпутаться из беды и сохранить за нами славу боя. Мое дело будет никогда не забывать Вашей услуги"{9}. И император не забыл - за находчивость и решительные действия, спасшие русскую армию от разгрома при Прейсиш-Эйлау, генерал-майор граф А.И. Кутайсов был удостоен ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3-го класса. Это был редкий случай, когда награждали военным орденом через степень, ведь Кутайсов не имел низшего 4-го класса этого ордена, с которого полагалось начинать награждение. Георгиевский крест на шею стал вторым орденом Кутайсова - первым был орден Святого Иоанна Иерусалимского, полученный еще от Павла I. А солдаты стали говорить после сражения у Прейсиш-Эйлау: "С Кутайсовым не пропадешь!"{10} Встретив старшего графа И.П. Кутайсова,

Александр I поздравил его патетической фразой: "Ваш сын делает честь русской армии и армия его любит"{11}.

Так рассказал о подвиге Кутайсова знавший его адъютант М.И. Г.-Кутузова в 1812 году, позднее ставший известным военным историком и генерал-лейтенантом, А.И. Михайловский-Данилевский. Однако историк русской артиллерии П.П. Потоцкий утверждал, что "когда... настал тот критический момент, которым должна была решиться вся участь сражения, - вот в эту-то роковую минуту прискакал Ермолов, несмотря на глубокий снег, с правого фланга на левый с двумя конными ротами, своей и генерал-майора Богданова... Вскоре, по приказанию генерал-майора графа Кутайсова, адъютант его поручик И.К. Арнольди привел конную роту князя Яшвиля Л.М."{12}. При этом Потоцкий писал, что идея использования конной артиллерии принадлежала П.А. Толстому. Следовательно Ермолов реализовал идею Толстого, за что удостоился только ордена Святого Владимира 3-ей степени, считая себя, а не Кутайсова, достойным ордена Святого Георгия 3-го класса. "Причиной тому, - по мнению Потоцкого, - было излишнее усердие почитателей графа Кутайсова: подвиг конной артиллерии всецело приписали ему, чего долго наша артиллерия не могла простить этому, по истине, доблестному артиллеристу, который лично не был виноват в неуместном усердии своих почитателей"{13}.

А вот как объяснял другой историк русской артиллерии генерал-майор Г.М. Ратч на страницах "Артиллерийского журнала" в 1861 году ситуацию вокруг Кутайсова, "которого русская артиллерия сперва не жаловала за то, что под Прейсиш-Эйлау, "за ермоловское дело", как тогда говорили, он был награжден орденом Святого Георгия 3-го класса: "Ловкий в строю, привлекательный в обращении, ученый математик и веселый поэт, неустрашимый в боях, распоряжавшийся с невозмутимым спокойствием под выстрелами, граф Кутайсов скоро однако приобрел любовь и доверенность подчиненных; при одном его слове забывались труды и опасности"{14}. Ратч разделял мнение о том, что положение русской армии под Прейсиш-Эйлау спасли Толстой и Ермолов, а не Кутайсов. Вот что говорил он в одной из своих публичных лекций офицерам гвардейской артиллерии: "... Даву немного уже оставалось, чтобы явиться в тылу нашего боевого расположения; но в это время прискакал на выручку Ермолов с 24-мя конными орудиями... Но если бы Толстой не вспомнил о конной артиллерии и она не исполнила бы так быстро и блистательно своего назначения, то 240 орудий, стоявших на фронтальных батареях (русской армии. - А.С.) , без

пути к отступлению, могли бы послужить материалом для другой колонны на Вандомской площади"{15}. Речь идет о колонне, сооруженной в 1806-1810 годах на одноименной площади Парижа из трофейных орудийных стволов, захваченных Наполеоном в боях с армиями европейских государств.

Можно не без определенных оснований предположить, что Ратч и Потоцкий в вопросе о роли Кутайсова в сражении при Прейсиш-Эйлау, основывались на свидетельствах участников этой битвы.

Так Д.В. Давыдов, бывший в 1807 году адъютантом П.И. Багратиона и числившийся штаб-ротмистром лейб-гвардии Гусарского полка, дважды обращался к описанию сражения при Прейсиш-Эйлау, в том числе и действиям артиллерии в ходе него. В общем очерке о войне 1806-1807 годов, в которой участвовал, под названием "Материалы для истории современных войн", написанном в 1810-х 1830-х годах, Д.В. Давыдов попытался критически взглянуть на действия Кутайсова и Ермолова при Прейсиш-Эйлау: "Корпус Даву около первого часа по полудни... занял Серпален; устроив на высотах этой деревни батарею из сорока орудий, он продолжал теснить левый фланг нашей армии..; огонь усиливался ежеминутно и поле... было покрыто рассеянными нашими войсками, в которых беспорядок стал заметно усиливаться. В эту... минуту, князь Багратион, вынужденный обстоятельствами принять главное начальство над этим крылом, выстроил войска перед деревней Ауклапеном, лицом обращенным к Даву. Около этого времени конные роты полковника Ермолова и Богданова находились на правом фланге армии... Наступление корпуса Даву... заставило графа П.А. Толстого приказать двум этим конным ротам под командою Ермолова спешить на левый фланг. Прибыв туда, Ермолов, снявшись с передков и оставив при себе самое необходимое количество зарядов, отправил всех лошадей... и передки назад. Граф Кутайсов, прибыв позднее сюда с одной конной ротой, сделал тоже самое... Деревня Ауклапен, зажженная брандскугелями (зажигательными снарядами. - А.С.) роты Ермолова была... очищена неприятелем... французские войска, покушавшиеся двинуться между возвышениями и нашими ротами... выстрелами из наших тридцати шести конных орудий, потерпели жестокий урон... Хотя граф П.П. Пален (Петр Петрович, в 1807 году генерал-майор, участник сражения при Прейсиш-Эйлау. - А.С.) и говорил, что Ермолов вполне заслужил св. Георгия 3-го класса, и Беннигсен был совершенно с этим согласен, но этот орден был лишь пожалован мужественному графу Кутайсову, племяннику генерала Резваго, а Ермолов

получил Владимира 3-го класса. Так как генерал Резвой приказал составить списки... отличившихся, то граф Кутайсов потребовал их от Ермолова. Представляя их, Ермолов сказал: "Благодарю, ваше сиятельство, что вам угодно известить меня, что вы были моим начальником во время битвы"... И далее Денис Васильевич комментирует: "Я не без намерения подробно описал этот подвиг нашей конной артиллерии, прибывшей на помощь нашего левого фланга. Мое повествование, основанное на словах и свидетельстве многих артиллеристов, князя Багратиона, графа Толстого, Богданова... Беннигсена, явно противоречит вымышленным рассказам слишком усердных почитателей графа Кутайсова. Ни этому молодому генералу, подававшему большие надежды и о слишком рановременной кончине которого справедливо сожалела вся наша армия, ни Ермолову не принадлежит мысль подкрепить тридцатью шестью конными орудиями наш левый фланг; будучи отправлен князем Багратионом к ротам Ермолова и Богданова вскоре после присылки их к нашему левому флангу, я не нашел здесь графа Кутайсова... Прибыв сюда позднее и приказав приведенной им роте поступить так же, как уже сделали роты Ермолова и Богданова, граф Кутайсов не дозволил бы себе, без сомнения, того, что дозволяют себе его почитатели, а именно - приписать себе главную честь быстрого появления конной артиллерии к угрожаемому пункту. Мне... известно, что князь Багратион... почел личным для себя оскорблением то... что Ермолов, имевший, по мнению всех беспристрастных очевидцев, по крайней мере равные права с графом Кутайсовым на знаки св. Георгия 3-го класса, не получил их, князь жаловался даже на то его высочеству цесаревичу"{16} (Константину Павловичу. - А.С.). Как бы вскользь Давыдов замечает: "Граф Кутайсов был племянником генерала Резваго, начальника артиллерии армии, который постоянно заботился о том, чтобы выставить заслуги сего молодого генерала, прекрасно писавшего прозой и стихами"{17}. Однако, при этом Давыдов скромно умалчивает, что сам являлся двоюродным братом А.П. Ермолова - мать Алексея Павловича было родной сестрой отца прославленного поэта и партизана Д.В. Давыдова. Всю жизнь кузены поддерживали добрые отношения, поэтому эмоциональный комментарий Давыдова вполне объясним, хотя и не во всем совпадает с мнением Арнольди и ряда историков наполеоновских войн, а также биографов Кутайсова.

Вторично Д.В. Давыдов обратился к тому же сюжету в "Воспоминаниях о сражении при Прейсиш-Эйлау 1807 года января 26-го и 27-го" (1835). И хотя не стал комментировать

степень заслуг в нем Ермолова и Кутайсова, но не изменил сути предыдущего изложения: "Даву продолжал напирать, охватывая более и более левый фланг нашей армии... Багратион... двинул резерв к Ауклапену и обратил лицом к Даву... Ермолов прискакал к тому же пункту с тридцатью шестью конными орудиями, выдвинул их из-за резерва, осыпал брандскугелями Ауклапенскую мызу, мгновенно зажег ее и принудил неприятельскую пехоту из нее удалиться; генерал-майор граф Кутайсов прибыл также сюда с двенадцатью орудиями, но позднее. Тогда, не теряя ни минуты, он бросился к ручью, рассекавшему лес, и сразился с заложенными на нем батареями, не перепуская вместе с тем ни одной пехотной колонны ни к лесу, ни к Ауклапену, ни к Кунштену для подкрепления войск"{18} (неприятельских. - А.С.).

А что же пишет сам А.П. Ермолов, считавший себя товарищем Кутайсова, по этому поводу? В 1962 году впервые был опубликован один из вариантов сохранившихся записок Ермолова, в котором автор кратко вспоминал о Кутайсове: "... Он находился на командуемой мною батарее в сражении при Прейсиш-Эйлау"{19}. В опубликованных в 1863 году записках Ермолова читаем вариант той же фразы: "В 1807 году, в первый раз бывши против неприятеля, он (Кутайсов. - А.С.) находился на моей батарее в сражении при Прейсиш-Эйлау"{20}. Ермолов напрасно приписывает себе роль крестного боевого отца Кутайсова, который получил боевое крещение еще в 1806 году под Голимином.

В третьей публикации записок 1865 года Ермолов наиболее пространно отреагировал на события при Прейсиш-Эйлау: "Вышли награды за Прейсиш-Эйлауское сражение. Вместо 3-го класса Георгия, к которому удостоен я был главнокомандующим, я получил Владимира. В действии сделан участником мне артиллерии генерал-майор граф Кутайсов. Его одно любопытство привело на мою батарею, и как я не был в его команде, то он и не мешался в мои распоряжения. Однако же, не имевши даже 4 класса, ему дан орден Георгия 3-го класса. В реляции хотели написать его моим начальником... Князь Багратион объяснил главнокомандующему сделанную несправедливость, и он, признавая сам, что я обижен, ничего, однако же, не сделал"{21}.

Действительно, конно-артиллерийская рота Ермолова по диспозиции не входила в состав артиллерии правого крыла русских войск на Прейсиш-Эйлауской позиции, которой командовал Кутайсов. Рота Ермолова состояла в арьергарде Багратиона, который, войдя на основную позицию армии, оставил свою артиллерию за правым крылом. Своим замечанием Ермолов словно хочет подчеркнуть, что не подчинился бы требованию

Кутайсова о переброске своей роты на левый фланг, в чем можно вполне усомниться. Кстати сказать, Толстой, чье указание, если верить Давыдову, исполнял Ермолов, тоже не являлся прямым начальником Ермолова. Вряд ли думал Ермолов о степени подчиненности во время сражения, а если и думал, то прекрасно понимал, что всей артиллерией армии командовал дядя Кутайсова. Почему-то это подчеркивают только когда речь идет о награде. Да и обе конные артиллерийские роты арьергарда фактически поступили в резерв правого фланга, как сказано в Истории отечественной артиллерии, а следовательно подчинялись Кутайсову. Вероятно, амбиции Ермолова проявились только в его записках, спустя много лет. Даже если верить, что Ермолов якобы пожаловался Багратиону в 1807 году на несправедливость с его награждением за Прейсиш-Эйлау, то нельзя забывать, что с семьей Кутайсовых у Багратиона были весьма близкие отношения, ведь мать Александра Ивановича была посаженной материю Багратиона на его свадьбе 2 сентября 1800 года. Поэтому вряд ли стал бы Багратион активно оспаривать награждение Кутайсова. И если уж быть до конца объективным, то нельзя умолчать, что Ермолов получил-таки орден святого Георгия 3-го класса за действия в бою под Ломитеном через четыре месяца. Так что его жалобы и ходатайства его начальников не были безрезультатны, хотя такая позиция не делает ему чести.

Через пять лет Ермолов стал начальником Кутайсова и его отзывы о подчиненном стали носить благожелательный характер. Что же до Кутайсова, то он всегда оставался "добродушен, щедр, чрезвычайно приветлив в обращении, как рассказывал Михайловский-Данилевский, - любил... бывать в обществах, и являлся душою их, как по обширным сведениям своим, так по уму и совершенному знанию приличий большого света... Краткое... течение жизни своей ознаменовал он поступками, привязывавшими к нему сердца всех, знавших его. Единогласно были признаваемы в нем достоинства, которые могли возвести его на высшие ступени военного поприща"{22}.

Но кампания 1807 года продолжалась и 24 мая в бою под местечком Ломитеном Кутайсов командовал артиллерией отряда генерал-лейтенанта Д.С. Дохтурова и умелым руководством боевыми действиями артиллерии способствовал успеху. Наградой Кутайсову стал орден Святого Равноапостольного князя Владимира 3-й степени.

Через пять дней, 29 мая Кутайсов снова отличисля в бою под городом Гейльсбергом, командуя артиллерией правого фланга, куда начальник артиллерии Резвой перебросил часть резервной

артиллерии. Умелой организацией артиллерийского огня на угрожаемом участке удалось воспрепятствовать неприятельским атакам.

В бою под городом Фридландом Кутайсов командовал артиллерией правого крыла. В начале дня 2 июня артиллеристы Кутайсова подавили неприятельскую батарею, сковывавшую действия войск Дохтурова. Когда же началось отступление за реку Алле, артиллерия Кутайсова переправилась организованно и почти без потерь. Наградой его храбрости и распорядительности в этом проигранном русскими сражении стала шпага с украшенной алмазами рукоятью и гравированной надписью "за храбрость".

Наконец война закончилась подписанием мирного договора в городе Тильзите (ныне - Советск Калининградской области Российской Федерации). Здесь состоялись и взаимные награждения, и смотры войск. Знакомясь с показательными действиями одной из артиллерийских рот русской армии, которую представлял Кутайсов, начальник французской гвардейской артиллерии бригадный генерал Ж. Ларибуасьер вполне серьезно заметил: "Ваша артиллерия так хороша, что Вам надобно избегать одного - перемен и усовершенствований в ней!"{23} И все же опыт прошедшей войны нельзя игнорировать, поэтому ряд положений в "системе 1805 года" был учтен. Состав каждой артиллерийской роты ограничивался 12-ю орудиями, а армейской артиллерийской бригады - одной батарейной и двумя легкими ротами. Конно-артиллерийские роты вошли в состав резервных бригад. Обучением артиллеристов занимались запасные бригады. Рота делилась на две полуроты или три дивизиона (по четыре орудия), а два орудия составляли артиллерийский взвод во главе с обер-офицером (младшим офицером). Такая структура определялась и штатом роты.

Реорганизация артиллерии тесно увязывалась с совершенствованием организации всей русской армии, которую активно проводил император Александр I видя неизбежность грядущего столкновения с наполеоновской Францией.

Немалую роль в становлении артиллерии как самостоятельного рода войск, в реализации нововведений, связанных с внедрением "системы 1805 года" и боевого опыта, с развитием дискуссий, направленных на повышение эффективности боевого использования артиллерии, сыграл "Артиллерийский журнал", созданный при Артиллерийском комитете в 1808 году, издание которого Кутайсов горячо поддержал и был его подписчиком.

В 1809 году Кутайсов был назначен начальником артиллерии отдельного корпуса генерала от инфантерии князя С.Ф.

Голицына, направленного против австрийцев во исполнение союзного договора с Наполеоном. Однако вскоре, не произведя ни одного выстрела, корпус был возвращен в Россию.

В следующем году Кутайсов получил длительный отпуск для поездки за границу. За полгода пребывания в Вене Кутайсов научился свободно говорить и писать по-турецки и по-арабски. Теперь он владел шестью языками, в том числе четырьмя европейскими - французским, немецким, английским и итальянским. Из Вены Кутайсов переехал в Париж, где усиленно занялся изучением математики, архитектуры, фортификации и артиллерии, особенно баллистики. Элегантно и скромно одетого молодого человека 25-ти лет можно было почти ежедневно встретить на лекциях известнейших французских ученых или застать за чтением научных работ в библиотеках. В первой половине дня он подобно губке буквально поглощал знания, целиком окунувшись в науки.

Он был живым воплощением неоднократно повторяемого своего жизненного правила: "Надобно спешить учиться, а то придет старость, а там и смерть!"{24} Граббе вспоминал: "...Он повторял мне: учись, учись, одно спасение в учении"{25}. Поручик А.В. Чичерин рассказал в своем дневнике о встрече у костра в ноябре 1812 года с незнакомым артиллерийским офицером: "Прощайте, господа, - сказал он, вставая, - пора уходить, делу время, а потехе час. Покойный Кутайсов всегда соблюдал это правило... Слово за слово, он стал говорить о Кутайсове и просидел еще добрый час"{26}. Да, Кутайсов обладал поразительной усидчивостью и работоспособностью.

Итак, утренние теоретические занятия сменялись вечерними беседами о военных действиях, преимущественно об использовании артиллерии в прошедших боях, которые Кутайсов вел с французскими генералами и офицерами, стараясь максимально учесть информацию о практике боевого применения артиллерии недавнего противника. Как и большинство русских генералов и офицеров он чувствовал приближение неизбежного нового столкновения и понимал необходимость подготовки к нему своих артиллеристов. "Двенадцатый год стоял уже посреди нас русских с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть"{27}, - не без основания писал Д.В. Давыдов, вспоминая пять лет спустя о днях подписания Тильзитского договора 1807 года.

Летом 1811 года Кутайсов вернулся в Санкт-Петербург и активно включился в работу "Комиссии по составлению военных уставов и положений" под руководством военного министра генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли. Результатом

деятельности Комиссии явилось "Учреждение для управления большой действующей армии", утвержденное императором Александром I 27 января 1812 года. "Учреждение" четко определяло организационные основы, принципы управления и взаимодействия всех звеньев армейского руководства, а также права и обязанности должностных лиц всех уровней этого руководства. Немало сил, знаний и боевого опыта вложил Кутайсов в составление глав, отделов и параграфов "Учреждения", посвященных Полевому артиллерийскому управлению{28}.

Согласно "Учреждению" начальник артиллерии армии "избирается из генералитета по единому уважению отличных способностей", подчиняется непосредственно главнокомандующему и "во время сражения и при осмотрах войск он находился при главнокомандующем". В обязанности начальника артиллерии входило "распоряжение артиллерией во всех случаях сообразно предложенной цели и наблюдение за точностью выполнения" отданных распоряжений, "безостановочное снабжение артиллерии зарядами, а войск - оружием и патронами", "укомплектование артиллерии". В случае действий корпуса или дивизии отдельно от армии в их штаб вводилась соответствующая должность начальника артиллерии. "Учреждением" устанавливался следующий состав Полевого артиллерийского управления армии: начальник артиллерии, возглавлявший управление, его старший адъютант, являвшийся и начальником канцелярии, и канцелярия, состоявшая из трех экспедиций, каждой из которых руководил экспедитор. Первая экспедиция вела учет всех артиллерийских чинов и лошадей, занималась их комплектованием и закупкой, вела журнал действий артиллерии. Вторая экспедиция собирала сведения о состоянии артиллерийского вооружения, боеприпасов, упряжи, обоза, принадлежностей, запасных парков, походного арсенала и лаборатории, снабжала орудиями, лафетами, зарядными ящиками, снарядами и другим артиллерийским имуществом, а полки - стрелковым оружием, кремнями и патронами, занималась ремонтом стрелкового оружия, вела учет всех артиллерийских трофеев и "всего поступившего в артиллерию от союзников". Третья экспедиция занималась всеми финансовыми вопросами, связанными с артиллерией армии.

Уезжая за границу, Кутайсов ходатайствовал о награждении за отличную службу своего бессменного адъютанта Арнольди, а, вернувшись, с радостью узнал, что Ивану Карловичу пожалованы золотые петлицы на воротник мундира. Такими петлицами награждались позднее офицеры особенно отличившихся в 1812 году артиллерийских рот.

Как человек заботливый и внимательный, А.И. Кутайсов очень ценил доброжелательные отношения в семье, старался выполнять просьбы родных, помогал в разных делах, переписывался с родственниками. Об этом рассказывают сохранившиеся письма к старшему брату Павлу, от дяди-артиллериста и тетушки Н.В. Резвой (урожденной Налетовой). И хотя, к примеру, последнее письмо чисто бытового характера, оно начинается словами: "Любезный граф, Дмитрий Петрович (Резвой. - А.С.) уверил меня, что вы по хорошему вашему расположению к нам не осердитель ежели я вас попрошу..." А вот завершающая его фраза: "... Как давно уже я лишена удовольствия вас видеть, когда-то опять Бог приведет... Хотя и дети мои вам кланяются. Покорная вам Надежда Резвова"{29}.

Сохранилось столь же редкое письмо Д.П. Резвого своему племяннику от 20 апреля, вероятнее всего 1812 года, из Дунайской армии, из которого мы узнаем, что дядюшка послал Александру в подарок еще год назад трофейную саблю. Письмо тоже весьма радушно. Дмитрий Петрович, хотя и обращался к племяннику как и Надежда Васильевна на "Вы", но называет его "сердечным другом". Три сохранившиеся письма по-французски Александра Кутайсова брату Павлу от 17 и 29 декабря скорее всего 1811 года и от 23 марта 1812 года делового характера, связанные с семейными заботами. К сожалению, семейная переписка Кутайсовых сохранилась лишь фрагментарно.

В начале 1812 года Кутайсов замещал до 20 февраля инспектора всей артиллерии русской армии генерала от артиллерии барона П.И. Меллера-Закомельского во время его продолжительных поездок. Россия усиленно готовилась к предстоящей войне, начала которой ожидали в ближайшие месяцы. Готовился и Кутайсов. Он знал сколь отрицательно сказывается на боеготовности артиллерии наличие множества указаний по частным вопросам артиллерийской службы и отсутствие единого руководящего документа по комплексному использованию артиллерии в различных условиях боя. И Кутайсов взялся за составление такого документа почти сразу же по возвращении из заграничной командировки. Тут ему пригодился и собственный боевой опыт, и изучение зарубежных достижений артиллерийской науки и практики, и использование целого ряда рекомендаций товарищей по оружию, часть из которых уже была опубликована в "Артиллерийском журнале".

Первым из сохранившихся и сегодня уже известных вариантов или набросков желаемого руководящего документа можно считать документ, не озаглавленный автором и начинающийся кратким вступлением: "Действующие бригады

наши состоят из одной батарейной и двух легких рот, употребление оных может быть следующее"{30}. Далее следуют шесть пунктов рекомендаций о применении пешей артиллерии:

"1. Полагая на каждый пехотный баталион по два легких орудия, остальные составят резерв. (Следующие далее слова "дивизионной артиллерии" Кутайсов зачеркнул, что породило резонный вопрос - чей резерв? Поскольку во вступлении документа говорилось о пеших артиллерийских бригадах, которые придавались пехотным дивизиям, то можно с уверенностью сказать, что автор имел в виду артиллерийский резерв пехотной дивизии. - А.С.). В корпусе, состоящем из двух дивизий, резерв сей будет еще более, и в оном может находиться одна батарейная рота". (Это утверждение Кутайсова вызывает недоумение, ибо ему, как члену комиссии, разработавшей систему полевой артиллерии 1805 года, было прекрасно известно, что дивизия состоит из шести пехотных полков, а каждый армейский полк - из двух действующих батальонов. Следовательно, если придавать каждому пехотному батальону по два легких орудия, то потребуется четыре орудия на полк, 24 - на дивизию и 48 - на пехотный корпус. В каждой легкой роте имелось 12 орудий, как и в батарейной. Таким образом, артиллерийская бригада обеспечивала потребности батальонов дивизии в легкой артиллерии. В резерве же дивизии оставалась батарейная рота, а корпуса - две батарейные роты. Почему же Кутайсов говорит о корпусном артиллерийском резерве, состоящем только из одной батарейной роты, - остается загадкой. Однако это заставляет обратить внимание на зачеркнутые в конце второй фразы пункта 1 слова "и друг". Возможно, автор вначале хотел так закончить фразу: "... в оном может находиться одна батарейная рота и друг(ая)". Но тогда непонятно почему два последних слова он зачеркнул? Останется лишь предположить, исходя из явно чернового характера текста, что редактирование рассматриваемого документа, а может быть и составление, не были завершены. Расширив рамки последующей редакции регламентирующего документа, Кутайсов вероятнее всего посчитал нецелесообразным составление данного более узкого варианта. - А.С.)

2. Прикомандированные к баталионам или полкам легкие орудия не должны от оных отделяться, разве в некоторых случаях, как например, в трудных дефилеях, в лесах, в болотах и иногда в ночных атаках.

3. Во время развертывания фронта из колонны легкая артиллерия должна почти всегда быть впереди и покровительствовать сие движение, ибо неприятель будет

стараться сему помешать; и всегда офицер во время сражения, быв предуведомлен о нашем движении, должен со всею расторопностью ставить артиллерию таким образом, чтобы действие ее споспешествовало намерению войска, к которому он принадлежит.

4. Когда полк или баталион на ровном месте атакует штыками, прикомандированная к нему артиллерия должна идти на отвозах впереди или удобнее сбоку до некоторого от неприятеля расстояния и, остановясь, стрелять по нем картечью; выстрелы сии не только что помогут атакующему, но иногда и опрокинут неприятеля.

5. Пешей артиллерии во время действия не нужно иметь на батарее более одного зарядного ящика на орудие, прочие же оставлять за линиями вне от неприятельских выстрелов.

6. Когда предвидится движение по грязным или болотистым местам, артиллеристы должны запасаться фашинами, которые привязывать с боков ящиков и орудий, стараясь чтобы они были ужее".

О том, в какой степени могли бы выполняться эти рекомендации, свидетельствует, к примеру, Бородинское сражение. (Если я и забегаю несколько вперед, касаясь Бородинского сражения 24-26 августа 1812 года, то только ради наглядности примера и известности самого события. При этом нельзя забывать и о роли Кутайсова в нем, о чем безусловно будет сказано ниже). Накануне его в артиллерийский резерв 1-й Западной армии были выведены пять конных рот и две гвардейские конные батареи (76 орудий), пять легких (60 орудий) и четыре батарейные роты (50 орудий, в том числе два орудия Гвардейского экипажа). Артиллерийский же резерв 2-й Западной армии включал пять легких (без четырех орудий) и две батарейные роты (24 орудия). Как видно, из 266 орудий только 72 состояли на вооружении шести батарейных рот резерва, а 116 орудий принадлежали легким ротам. Иначе говоря, батарейной артиллерии в резерве было менее всего вопреки рекомендациям 1-го пункта описанного документа Кутайсова. Легкой же артиллерии в резерве оказалось больше всего, что доказывает невыполнимость пунктов 1 и 2 документа "Действующие бригады...", т.е. далеко не вся легкая артиллерия распределялась по батальонам и прикомандировывалась к полкам.

Что до исполнения пункта 4 того же документа, то стрельба с отвоза требовала быстроты выдвижения артиллерии на дальность ближнего картечного выстрела к неприятелю. После выстрела необходимо было столь же быстро убрать орудия с огневой позиции для перезаряжания, особенно если неприятель не

опрокинут. А это, по мнению Кутайсова, случалось лишь иногда. В противном случае неприятель может завладеть орудиями. Наиболее эффективно выполняла стрельбу с отвоза конная артиллерия, в которой и орудия и прислуга перевозились лошадьми. Пример тому - действия 1-й легкой гвардейской конной батареи капитана п.И. Захарова на Бородинском поле.

Описания действий легких орудий пешей артиллерии с отвозов в кампании 1812 года мне пока не попадалось. Разве не подтверждает этот факт еще раз мою версию о том, что документ "Действующие бригады..." Кутайсов начал писать до начала Отечественной войны 1812 года, но так и оставил его в черновике? О незавершенности документа говорит и то, что в нем ничего не сказано о конкретном боевом использовании батарейных рот, а ведь именно они, как показывает то же Бородинское сражение, главным образом ставились в укреплениях или составляли батареи, решавшие задачи огневого подавления противника. Конечно батарейные орудия автор имеет в виду, когда говорит о пешей артиллерии в целом в пунктах 5 и 6. Но ведь пункты 2, 3 и 4 специально посвящены вопросам боевого применения легких орудий, а о батарейных ротах сказано лишь в 1-ом пункте и то с точки зрения возможного вывода их в резерв. Я обращаю на это внимание именно потому, что во вступительной фразе ко всему документу Кутайсов обещал раскрыть в его последующем содержании возможные пути употребления как легких, так и батарейных рот. Увы, в сохранившемся документе или его фрагменте таковых рекомендаций нет.

Второй обнаруженный мной документ, написанный собственноручно А.И. Кутайсовым, озаглавлен "Общие правила"{31} и содержит всего четыре пункта, текст которых имеет много исправлений, вставок, зачеркиваний и подчеркиваний. Приведу его с учетом всех авторских правок: "Не говоря о действии и качестве наших орудий, что должно быть известно всякому исправному артиллеристу, я полагаю необходимым наблюдать следующие правила:

1. В полевом сражении выстрелы за 500 сажень ядрами сомнительны, за 300 - довольно верны, а за 100 - смертельны; две последние дистанции могут также служить для новых наших картеч, следовательно, когда неприятель еще в первом расстоянии, то должно стрелять по нему редко, дабы иметь время хорошо наводить орудия и затруднить его в движении, во втором расстоянии стрелять чаще, чтоб остановить или продлить его наступление, и напоследок всею скоростью, удар за ударом, чтоб его опрокинуть и уничтожить. (1 сажень = 2,1336 метра,

следовательно 500 саженей = 1066,8 ? 1067 м; 300 саженей = 640,08 м ? 640 м; 100 саженей = 213,36 м ? 213 м. Наиболее эффективной для поражения неприятеля автор считал дистанцию в пределах от 200 до 600 метров от орудия. Скорострельность орудий того времени не превышала 1 выстрела в минуту ядром или гранатой, 3-5 выстрелов в 2 минуты картечью, 3 выстрела в минуту при условии стрельбы в таком режиме не более 3 минут. В противном случае от перегрева ствола мог произойти взрыв заряда в нем при заряжании. А.С.)

2. Сначала сражения, когда еще не примечено настоящее намерение неприятеля, батареи должны состоять из малого числа орудий и рассеяны в разных местах, в сем положении вы представляете собою малую цель, а сами имеете более средства ему вредить косвенными и перекрестными выстрелами, и затруднять в его предприятиях.

3. Ежели место позволяет, то ставить батареи так, чтоб ось одного орудия от оси другого не была ближе 15-ти шагов, через что движение и услуга их будет способнее, а неприятельские выстрелы не столь вредны. (Если считать длину шага около 70 см, то минимальное расстояние между осями соседних орудий не должно было быть менее 10,5 м. - А.С.)

4. Батарею из большого числа орудий должно ставить в таких случаях, 1-е когда нужно сделать пролом в линии неприятельской, 2-е или сбить его сильную батарею, которая наносит великий вред вашей пехоте или кавалерии, или защитить какую-нибудь тесную переправу".

Напряженная работа А.И. Кутайсова завершилась перед самым началом Отечественной войны 1812 года разработкой фактически первого боевого устава полевой артиллерии, называвшегося "Общие правила для артиллерии в полевом сражении"{32}. После Высочайшего утверждения "Общие правила" в первой декаде июня были доведены до офицеров всех артиллерийских рот. Документ вобрал в себя почти дословно все четыре приведенных пункта "Общих правил", а так же пункты 3, 5 и 6 не озаглавленного варианта, начинающегося словами: "Действующие бригады наши". Пункты 1, 2 и 4 последнего документа не были включены Кутайсовым в утвержденной вариант по изложенным выше причинам.

Двадцать одному пункту "Общих правил..." предшествовало краткое вступление, изложенное в одной фразе: "Не говоря о качестве наших орудий и не входя в подробности оных, что должно быть известно всякому исправному артиллеристу, я буду иметь в виду лишь общее действие артиллерии во время сражения, а для сего - употребление ее должно подлежать

следующим правилам". Анализируя это вступление, нельзя не отметить, что русская артиллерия не только не уступала артиллерии стран, чьи воинские контингенты входили в состав Великой армии Наполеона, но и по ряду тактико-технических характеристик превосходила артиллерию противника.

Содержится во вступлении и не потерявшая своего значения характеристика "исправного" офицера, т.е. офицера, знающего возможности своего вооружения, которым ему придется воевать. Здесь Кутайсов остался верен своему жизненному принципу: учиться постоянно для совершенствования своих специальных познаний, ведь он "ни минуты не проводил праздно, - как вспоминал А.И. Михайловский-Данилевский, - от раннего утра до ночи был в беспрерывных занятиях не одним каким-либо предметом, но десятью вдруг. Вокруг постели его всегда стояло до десяти довольно больших табуретов, вроде столов. На одном чертил он что-либо из фортификации, артиллерии, архитектуры, на другом переводил, на третьем писал артиллерийские записки, на четвертом рисовал, на пятом лежала доска с грифелем для математических выкладок, на шестом скрипка и ноты, на седьмом стихи, на восьмом какое-нибудь сочинение в прозе и так далее".

В 1-ом же пункте "Общих правил..." приведены нормативы стрельбы с учетом эффективности поражения целей: "...Выстрелы за 500 саженей сомнительны, за 300 довольно верны, а за 200 и за 100 смертельны... Следовательно, когда неприятель еще в первом расстоянии, то должно стрелять по нем редко, дабы иметь время вернее наводить орудие и выстрелами вашими затруднять его в движении; во втором расстоянии стрелять чаще, чтобы остановить или... продлить его приближение, и на последнем наносить удары со всевозможной скоростью, чтобы его опрокинуть и уничтожить". Приведенные значения дальности стрельбы соответствуют современным понятиям предельной, практической и наиболее эффективной дальности стрельбы, т.е. свыше 1000 м, около 600 м и от 200 до 400 м.

Для содержания почти всех пунктов "Основных правил..." характерно, что автор логически подводит к необходимости выполнять излагаемые требования и поясняет результат правильного исполнения. В этом бесспорно сказалось увлечение Кутайсова математикой, немыслимой без строгой логики в доказательствах. Вместе с тем, следуя сделанному вступлению, Кутайсов не приводит характеристик орудий и видов снарядов для стрельбы на указание дальности. Однако он советует с дальности ближе 650 метров применять "новые наши картечи", т.е. картечные снаряды, состоящие из чугунных картечных пуль, которые в то время внедрялись в практику артиллерии взамен

свинцовых. Считалось, что свинцовые пули раскалываются чаще при соударениях, чем чугунные, а образовавшиеся осколки царапают канал ствола и не долетают до цели, снижая эффективность поражения. "Сомнительными" с точки зрения поражения цели Кутайсов называет выстрелы близкие к пределу прицельной дальности стрельбы большинства орудий; "довольно верными" - выстрелы, поражающие более 30% целей, а смертельными - более 75%. Артиллерист, которому предназначались "Общие правила...", понимал значение названных терминов. Не следует забывать, что в то время еще не существовало таблиц стрельбы в современном виде, и эффективность поражения во многом зависела от субъективных факторов, т.е. знаний артиллерийских командиров, опытности и натренированности расчетов.

2-ой пункт "Общих правил..." требует "скрывать число своей артиллерии", т.е. маскировать ее. Но маскировать не столько простым укрытием орудий от видимости неприятеля, сколько оперативными средствами, т.е. вводить ее в сражение постепенно, "через что от неприятеля скроется пункт вашего нападения", т.е. направление главного удара, где артиллерия неожиданно откроет массированный огонь, обеспечивающий действие пехоты и кавалерии. Маскировка артиллерии предназначалась и для того, чтобы неприятель "атакующий... встретил бы артиллерию там, где... ее и не предполагал".

Три следующих пункта "Общих правил..." посвящены боевым действиям артиллерийских батарей. Не следует забывать, что в то время батарея не была организационно-штатной единицей в полевой армейской артиллерии, что произошло только почти 20 лет спустя. Под батареей понималось сосредоточие некоторого числа орудий (от нескольких взводов или дивизионов до нескольких рот) на общей огневой позиции для выполнения единой задачи. До тех пор, пока не установлены истинные цели неприятеля, "батареи должны состоять из малого числа орудий, и, быв рассеяны в разных местах... вы представляете собой малую цель, а сами имеете более средства ему вредить косвенными и перекрестными выстрелами...". Рекомендации о характере выстрелов, приведенные в 3-ем пункте, говорят и об организации огня, т.е. размещение соседних батарей должно быть таким, чтобы секторы их обстрела перекрывали друг друга, а значит, создавали сплошную зону огневого прикрытия расположения своих войск.

В следующем, 4-ом пункте Кутайсов продолжал: "Батареи же из большого числа орудий должно ставить в таких случаях, когда нужно сделать пролом в линии неприятельской или остановить...

его... или... сбить его с какой-нибудь позиции". В 5-ом пункте "Общие правила..." требовали: "Избегать ставить батареи на весьма возвышенных крутых местах; ... батареи... из единорогов могут... быть поставлены за небольшими возвышенностями, которыми бы они... закрывались, ибо все почти их выстрелы, кроме картечных, суть навесные". Почему же опасно ставить батареи на "весьма возвышенных местах"? Да потому, чтобы не превращать батарею в отличную мишень для неприятеля, видимую отовсюду. А чем опасны возвышенности с крутыми склонами? Да потому, что это затрудняет подвоз боеприпасов и своз или замену орудий в ходе боя.

Заметим, что единорог объединял качества пушки и гаубицы, т.е. мог стрелять всеми видами снарядов (ядро, граната, картечь, брандскугель) по открытым и закрытым целям. К сожалению, русские артиллеристы так и не научились в 1812 году навесной стрельбе из единорогов, т.к. длительное время обучались стрельбе по видимым целям, т.е. прямой наводкой. Единорог был принят на вооружение русской артиллерии в конце XVIII века и оставался на протяжении почти 100 лет незаменимым артиллерийским орудием. Он получил название от мифического животного из герба генерал-фельдцейхмейстера графа П.И. Шувалова, руководившего создание этой пушки-гаубицы.

Последующие два пункта, 6-й и 7-ой устанавливали порядок выбора поражаемых целей в различных условиях боя. Вот их суть: "...Когда мы намерены атаковать, то большая часть нашей артиллерии должна действовать на артиллерию неприятельскую; когда же мы атакованы, то большая часть нашей артиллерии должна действовать на кавалерию и пехоту... Сверх сего... должно стрелять по батареям, когда они весьма... вредят вам".

Далее излагались указания об использовании тех или иных снарядов для наиболее эффективного поражения различных целей. В пункте 8 "Основных правил..." читаем: "По колоннам и массам (войск. - А.С.) стрелять ядрами полным зарядом и гранатами, иногда с уменьшением пороха, дабы они рикошетировали и разрывались ложась в самой колонне; картечью же по колоннам стрелять только в то время, когда они в близком расстоянии". Здесь речь идет об артиллерийской гранате - полом шаровидном снаряде, заполненном порохом, при поджиге которого происходит разрыв оболочки снаряда на осколки, поражающие живую силу противника. Рикошет - это явление многократного отражения снаряда от земли. Под "близким расстоянием" (см. п.1 "Общих правил...") автор конечно понимает расстояние ближе 400 метров, на котором "выстрелы смертельны". Это же расстояние фигурирует и в следующем

пункте, где говорится: "По фронту, который в выгодном от нас расстоянии, стрелять картечью". Конечно же под "выгодным" автор понимал расстояние, на котором "выстрелы смертельны".

Кутайсов считал необходимым учитывать расположение своих орудий и направления их огня по отношению к линии неприятельских войск. Соответствующие требования он излагал в пункте 9 "Общих правил...": "... Для выстрелов... ядрами и гранатами стараться располагать свои батареи так, чтоб действовать вдоль по линии (неприятельских войск. - А.С.) или... косвенно" (под острым углом к линии войск). Такие условия опять таки диктовались возможностью с наибольшей эффективностью использовать рикошетирование ядер и гранат, а также перекрестный огонь.

"Общими правилами..." предусматривались и действия артиллерии, прикрывающей отступление войск. Вот что было написано по этому вопросу в пункте 10: "... Артиллерия, прикрывающая ретираду, должна ставить батареи в две линии так, чтобы... первая проходила через вторую, которая... готова встретить неприятеля". Иначе говоря, когда первая линия батарей снимается с позиции, то находящаяся за ней вторая линия прикрывает отступление войск и артиллерии своим огнем до тех пор пока орудия первой линии не займут огневую позицию за орудиями второй линии и не откроют огонь по наступающему неприятелю, что позволит орудиям бывшей второй линии сняться со своей позиции и отступить за орудия первой линии.

Не обойден молчанием в "Общих правилах..." и вопрос о взаимодействии артиллерии с другими родами войск. "Артиллерия во всяком случае должна покровительствовать движению войск, и взаимно войско обороняет ее", говорилось в 11-ом пункте "Общих правил...". При этом Кутайсов подчеркивал необходимость тщательной рекогносцировки местности и размещения артиллерии, исходя из максимального обеспечения огнем выполнения поставленных войскам задач.

Вопросам размещения артиллерии в боевых порядках войск посвящен и следующий 12-й пункт "Общих правил...", ибо размещение также способствует тесному взаимодействию родов войск. "Главнейшим" или основным положением артиллерии, требовали правила, "должно быть по флангам линий, в интервалах и в резерве". Однако, и при таком линейном построении войск, артиллерия, как требовали "Общие правила...", должна "быть сколь возможно движущейся сообразно и с местоположением и направлением войск неприятельских, ибо весьма вредно... оставаться долго в одинаковой позиции". Требование вполне обоснованное, ибо, если движутся войска,

артиллерия не может оставаться на месте, иначе она рискует не выполнить задачи огневой поддержки или прикрытия войск в бою, да и позиция ее будет пристреляна неприятелем, что позволит ему подавить нашу артиллерию. Естественно, что это и требование повышения мобильности артиллерии, исходя из технических возможностей тогдашних артиллерийских систем.

13-й пункт "Общих правил..." - это конгломерат всесторонних требований к артиллерийскому резерву: к его месту, составу и путям повышения мобильности. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с лаконичной формулировкой этого пункта: "Резерв артиллерийский, находясь за второй или третьей линией, должен быть составлен преимущественно из конной артиллерии, которая быстротою и легкостью своей может с великою скоростью переноситься в разные пункты, да и батарейные роты для скорейшего движения, могут сажать некоторую часть людей на подручных лошадей и лафеты". Последнее допущение особенно важно, т.к. ранее официально запрещалось перевозить артиллерийские расчеты не только на орудийных лафетах, но и на передках и на зарядных ящиках. Правда, не всегда эти запреты соблюдались, если вспомнить действия артиллеристов В.Г. Костенецкого, А.П. Ермолова и других.

Несомненно 14-й пункт "Общих правил..." появился под влиянием действий артиллерии под Прейсиш-Эйлау. Вот его содержание: "Начальник резервной артиллерии, по повелению начальства или сам собой, видя необходимость подкрепить где-либо, распоряжает батареями со всевозможной скоростью, ибо от его деятельности легко может сражение взять иной оборот". Эта формула допускала полную самостоятельность действий начальника артиллерийского резерва в бою, что особенно было важно и необходимо, если этот начальник "исправный артиллерист".

И вдруг после такого общего требования - на первый взгляд сугубо конкретный практический вопрос 15-го пункта об оптимальном расстоянии между орудиями на общей огневой позиции: "... Ставить батареи так, чтобы ось одного орудия от оси другого не была ближе 15 шагов, через что движение и услуга будет способнее, а неприятельские выстрелы не столь вредны". Это требование обуславливалось: "Если место позволяет". Значит в противном случае требование невозможно было выполнить, но тогда теснота затрудняла бы действие расчетов и повышала уязвимость батареи. Вчитываясь в текст 15-го пункта и сравнивая его с содержанием пунктов 3, 4 и 5, становится ясно, что вопрос о взаимоположении орудий отнюдь не второстепенный, т.к.

определяет во многом успех действия артиллерийских батарей. Это в какой-то степени пояснил сам Кутайсов во второй части приведенного пункта. Вообще говоря, все пункты "Общих правил..." имели для своего времени огромную значимость, поэтому бессмысленно пытаться выделить из них наиболее важные и второстепенные.

Количество зарядных ящиков на огневой позиции устанавливал пункт 16: "Пешей артиллерии... иметь на самой батарее... по одному зарядному ящику для каждого орудия, прочие же оставлять за линиями (войск. - А.С.). Конная артиллерия может при себе иметь еще менее ящиков (т.е. по одному ящику на несколько орудий. - А.С.) , наблюдая только, чтобы передки всегда наполнялись зарядами". Такая рекомендация для конной артиллерии вытекала из кратковременного характера ее действий на одной огневой позиции и требования к ее максимальной мобильности, особенно на поле боя. Что же касается "наполнения зарядами передков", то это была исключительная мера, для чего из ящика, стационарно установленного на передке, вынималась орудийная принадлежность (ключи, канаты, крючья и т.п.) и вставлялась кассета для укладки нескольких выстрелов (в начале XIX века они назывались "зарядами"), т.е. снарядов с пороховыми зарядами. В этом случае увеличивался риск потерять орудие при попадании вражеского снаряда в ящик передка, но увеличивалась мобильность и живучесть системы орудие-боеприпасы. Вероятность попадания в отдельно следующий или стоящий при орудии зарядный ящик была выше, но потеря зарядного ящика не вела к выходу из строя орудия. Однако, мобильность такой системы была ниже. Приходилось находить компромисс, исходя из характера действий того или иного вида артиллерии.

Особое значение придавал Кутайсов "проворной и ловкой перекладке орудий с одного лафета на другой", к чему "заранее должно приучать людей". Почему это требование выделено в самостоятельный 17 пункт "Общих правил..."? Все дело в том, что лафет орудия был полностью деревянным. Это облегчало лафет, повышало мобильность орудия, т.к. позволяло ограничиться шестью лошадьми для транспортировки самого крупнокалиберного полевого орудия. Однако недостаточная живучесть деревянного лафета заставляла иметь при каждой артиллерийской роте два запасных лафета (на 12 орудий). Замена вышедшего из строя лафета запасным производилась в полевых условиях орудийным расчетом. Для этого ствол ставился вертикально, опираясь на грунт дульным срезом, после чего поврежденный лафет убирался, а запасной подкатывался,

скреплялся со стволом и орудие опускалось в нормальное состояние. Так как эта операция выполнялась в боевой обстановке, производить ее следовало не только быстро, но и "проворно и ловко".

Военные действия требовали порой в ожидании ночного нападения неприятеля держать орудия на передовых позициях в постоянной готовности к открытию огня. Этому требованию посвящен 18 пункт "Общих правил...": "На отделенных постах во время ночи орудия должны всегда быть заряжены картечью на близкую дистанцию, к которой прикреплять веревочку, дабы при наступлении дня и не имея уже в сем нужды, можно было разрядить орудия". В составе принадлежностей каждого орудия имелся "пыжевник", специально предназначенный для разряжания орудия. Однако, процедура эта была продолжительна и не всегда удавалась с первого раза. С помощью "веревочки", привязанной к завязке картуза унитарного картечного выстрела, разряжание производилось быстрее и надежнее. Выстрелу же "веревочка" не мешала. "Картечь на близкую дистанцию" - это выстрел с определенным количеством картечных пуль различного калибра и пороха в заряде, рассчитанных для стрельбы на дальность не более 400 метров.

Зачастую потеря орудий в бою вызывалась выходом из строя упряжных лошадей или повреждением упряжи. Поэтому Кутайсов в 19-ом пункте "Общих правил..." требовал: "Всякий батарейный командир озаботится иметь во время дела (т.е. боя. - А.С.) запасных лошадей и запасную упряжь, на лошадях же сих иметь обыкновенные простые шлеи" (это часть упряжи, состоящая из нескольких ремней, охватывающих лошадь и пристегивающихся к оглоблям). Выполнить это требование командиру артиллерийской роты было нелегко, т.к. по штату и табелю в роте не полагалось содержать полный комплект запасных лошадей и упряжи на казенный счет. Следовательно, запастись лошадьми и упряжью командир роты мог только за счет каких-то хозяйственных или сэкономленных средств. Кутайсов закреплял это право юридически.

Аналогичным образом предполагалась и подготовка артиллерии к преодолению труднопроходимых мест. Вот что было сказано по этому поводу в 20-ом пункте "Общих правил...": "Когда предвидится движение по грязным или болотистым местам, артиллеристы должны тогда запасаться фашинами (пучками хвороста, скрепленными прутьями, веревкой, проволокой и т.п. - А.С.), которые весьма удобно привязывать с боков ящиков (зарядных. - А.С.) и орудий (лафетов. - А.С.), стараясь, чтобы они были сухие". Фашины можно было изготовить

собственными силами орудийных расчетов заранее.

Последний пункт "Общих правил..." излагался в форме обращения к чести и достоинству артиллеристов, ибо речь шла об эффективности стрельбы, и был направлен против напрасной траты выстрелов, что зависит, прежде всего, от "исправности" артиллериста. Вот как писал об этом Кутайсов в 21-м пункте: "... Нет ничего постыднее для артиллериста и вреднее для армии, как напрасная трата зарядов, которые должно... употреблять так, чтоб каждый из них наносил вред неприятелю, зная сколь заготовление и доставление оных затруднительно". Кутайсов знал во что обходится снабжение войск боеприпасами еще будучи "инспекторским" адъютантом.

Разрабатывая "Общие правила...", Кутайсов использовал не только свой боевой опыт и познания артиллерийского дела, но и имевшиеся к этому времени немногочисленные опубликованные теоретические и практические рекомендации артиллерийских офицеров. Для примера достаточно назвать статьи поручика лейб-гвардии Конно-артиллерийской роты Д.А. Столыпина, опубликованные в "Военном журнале" в 1809 и 1810 гг., это соответственно "В чем состоит употребление и польза артиллерии" и "О употреблении артиллерии в поле". Не исключено и личное знакомство Кутайсова со Столыпиным еще в 1803 году, когда оба служили в лейб-гвардии артиллерийской бригаде. Посмотрим на содержание 3-го раздела "Как батарея должна действовать" второй статьи Столыпина в сравнении с 1-ым пунктом "Общих правил...". Вот что писал Столыпин: "На 400 сажен расстояния выстрелы не выгодны: от 300 до 200 они становятся точнее, но ближе 200 они весьма смертельны: по сему на первом расстоянии должно стрелять медленно и редко, на втором скоро, на третьем поспешнее и стремительно"{33}. Текст статьи Столыпина совпадает с первым пунктом "Общих правил...". А вот слова из 2-го раздела "Какая есть цель артиллерии" той же статьи Столыпина: "... Вообще в оборонительном сражении приходится действовать по неприятельскому строю, ибо не пушки его овладевают нашей позициею, но полки; когда же мы атакуем неприятеля в его позиции, то чаще случится действовать по его батареям, кои паче, нежели войско, оную обороняют"{34}. По существу та же мысль содержалась и в пункте 6 "Общих правил..."

Сравним еще два положения. В 1-ом разделе статьи "Главное размещение артиллерии" Столыпин писал: "Артиллерия в резерве ставится для того, чтобы ту, которая в линии во время сражения, не передвигать с места на место... а имея несколько рот свободных, можно занять или усилить места, того требующие; почему резерв должен быть так поставлен, чтобы мог всюду

поспеть наискорейшим образом. Сие условие требует, чтобы вся конная артиллерия была в резерве сзади центра.."{35} А вот что излагалось в пункте 13 правил Кутайсова: "Резерв артиллерийский, находясь за второй или третьей линией, должен быть составлен преимущественно из конной артиллерии, которая быстротою и легкостью своей может с великою скоростью переноситься в разные пункты..." Изложенная рекомендация Столыпина-Кутайсова была воплощена в действиях артиллерии и на Бородинском поле. Специально созданный конно-артиллерийский резерв полковника А.Х. Эйлера состоял из 60 орудий пяти конных рот - 4, 5, 9, 10 и 22-й, которые мобильно перебрасывались на угрожаемые участки. Так, для отражения неприятеля у села Бородино были направлены 22-я и 4-я (6 орудий) роты; защитников центрального редута поддержали 5, 9, 10 и 4-я (6 орудий) роты. В резерве же находились 1-я и 2-я батареи гвардейской конной артиллерии полковника П.А. Козена. Как тут не вспомнить о подвиге 1-й батареи капитана Р.И. Захарова, оперативно отразившей фланговую атаку французов на Семеновские флеши через Утицкий лес в начале сражения. Не менее успешно отражала атаки неприятеля в центре позиции во второй половине дня и 2-я батарея капитана А.Ф. Рааля (Ралля или Раля).

К сожалению, "Общие правила..." поступили в войска в начале Отечественной войны 1812 года и осваивались артиллерией в ходе военных действий. Это, безусловно, отрицательно сказалось на их введении, ибо все новое всегда внедряется с трудом и к нему сложнее и дольше привыкают. Поэтому Кутайсов в арьергардных делах в период отступления русской армии, искусно распоряжаясь артиллерией, стремился на практике показать необходимость руководства "Общими правилами...", показать полезность следования им для обеспечения успешного действия войск. Кутайсов, как начальник артиллерии 1-й западной армии, мог лично этим не заниматься, а ограничиться контрольными функциями, но тогда он не был бы Кутайсовым.

Наступила весна 1812 года. Со дня на день ждали начала войны. К западным границам Российской Империи стягивались войска. В Прибалтике сосредоточилась 1-я Западная армия под командованием генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли, штаб которой разместился в Вильно. При ней находился и император Александр I. Жил в Вильно и Кутайсов, назначенный 20 февраля 1812 года начальником артиллерии 1-й армии. "Мы отправились вместе (с полковником Я.А. Потемкиным, шефом 48-го егерского полка. - А.С.) к графу Кутайсову, артиллерийскому генералу. Он нас пригласил к себе на обед"{36}, записал в своем

дневнике 7 апреля 1812 года прапорщик квартирмейстерской части Н.Д. Дурново. А вот запись из того же дневника за 23 апреля: "Отправившись к Потемкину, я нашел у него графа Кутайсова и многих других мне знакомых лиц"{37}, Далее следуют еще несколько подобных записей: "Утром нанес визиты графу Кутайсову... /20 мая/. Обед с графом Кутайсовым. Он любил поесть... /24 мая/. Обед у графа Кутайсова... /6 июня/. Обед у графа (в подлиннике ошибочно написано "у князя". - А.С.) Кутайсова. Я не долго себя упрашивал пойти туда, где кормят и поят очень хорошо... /7 июня/"{38}.

Доброта, хлебосольство, приветливость, общительность однако не мешали Кутайсову и в военное время обогащать чтением свои обширные познания. Кутайсов любил людей и общество, но не терпел праздности. Он отвечал за боеготовность всей артиллерии армии и этому отдавал все свои силы. Можно долго рассуждать о том, как Кутайсов исполнял свои обязанности, подняв для этого весь массив подписанных им заявок и требований, отчетов и донесений. Однако красноречивее всего об этом рассказывают его приказы. Вот один из них за № 106 от 24 мая 1812 года: "Доказательство, до которой степени могут дойти упущения и злоупотребления по службе, обнаруживают беспорядки, которые вчерашнего числа открылись при свидетельстве (проверке. - А.С.) моем 2-й легкой роты: в зарядном ящике, в котором не только одного заряда не оказалось, но и все прочие заряды не хранятся в порядке, ящики наполнены сапожным товаром и разным солдатским экипажом, и сверх того господа ротные офицеры не знают разделения и числа зарядов по ящикам. После того неудивительно, что фельдфебель, фейерверкеры и ефрейторы по частям о сем не сведущи, о чем, объявляя по вверенной мне бригаде, предписываю поручику Клиберу недостающие заряды немедленно пополнить. Дано знать притом, что при первом открывшемся подобном сему случае на ротного командира той роты, который по всему доказывает, что она служит для собственных счетов, занимаясь единственно приобретением оных, расстраивает и изничтожает доверенную ему часть, не имев понятия о важности своего места, нам примером своим вреден для службы, так и по экстренности сего случая донесено будет прямо Государю Императору, а на офицера той части, как нерадивого к службе и совершенно к оной излишнего, будет представлено по команде"{39}.

Дело в том, что 2-я легкая рота подполковника П.М. Копьева входила в состав 1-й артиллерийской бригады подполковника М.М. Таубе, имея 12 орудий, в том числе: восемь 6-фунтовых пушек и четыре 1/4-пудовых "пеших" единорога. При каждом

орудии полагалось иметь по два зарядных ящика с общим возимым в них боекомплектом из 120 выстрелов, равномерно уложенных в ящики. Для 6-фунтовой пушки боекомплект включал 90 ядер, 20 дальних и 10 ближних картечей, а для 1/4-пудового единорога- 80 гранат, 10 брандскугелей, 20 дальних и 10 ближних картечей. Однако количество гнезд для укладки выстрелов в зарядный ящик позволяло перевозить по 154 выстрела при 6-фунтовой пушке (77 гнезд в одном ящике). Еще 12 выстрелов для единорога перевозились в орудийном передке, для чего в него вставлялась специальная кассета. Передок 6-фунтовой пушки тоже позволял перевозить еще 20 выстрелов, что увеличивало ее возимый боекомплект до 174 выстрелов. При этом тип выстрелов не ограничивался и зависел от характера предстоящей боевой обстановки. Вот этого-то количества выстрелов Кутайсов и не обнаружил в зарядных ящиках 2-й легкой роты, что делало ее фактически небоеспособной. А имевшиеся выстрелы были уложены, как можно понять из текста приказа, без кассет, т. е. "навалом".

Осмотр роты произошел 22 мая, а накануне Кутайсов приказал "вступить в командование 2-й легкой роты поручику Клиберу"{40}. Только этим и можно объяснить, что Е. А. Клибер не был наказан по всей строгости прав начальника артиллерии армии.

И все же непонятно, почему в приказе Кутайсова даже не упомянуты ни командир бригады, ни командир роты, которые, как следует из содержания приказа, проявили низкую требовательность к офицерам 2-й легкой роты, самоустранились от контроля состояния боеготовности своих подразделений, не добились знания подчиненными порядка службы. Именно они были в первую очередь ответственны за все упущения перечисленные в приказе. Возможно, повлияло то, что Таубе был назначен командующим бригадой только 26 апреля, а его предшественник полковник В.А. Глухов был снят с должности и переведен с понижением "за беспорядок, найденный в его бригаде" самим императором{41}.

В приказе отсутствуют и фамилии других офицеров, служивших в это время во 2-й легкой роте, которые не могут считаться "исправными артиллерийскими офицерами", так как не знали сами положенного состава боекомплекта, а значит, и не могли обучить этому подчиненных унтер-офицеров. Вероятно, Кутайсов специально решил проверить состояние одного из подразделений 1-й артиллерийской бригады спустя месяц после замены Глухова.

Обнаруженное не могло успокоить начальника артиллерии,

ибо беспорядок в бригаде сохранялся, а до начала войны оставалось меньше месяца. Трудно утверждать, быстро ли навели порядок в роте и в бригаде и были ли отмеченные недостатки присущи только бригаде Глухова. Наверное нет, что подтверждает адресованное Кутайсову письмо инспектора всей артиллерии генерал-лейтенанта П.И. Меллер-Закомельского от 13 марта 1812 года о "прескверном" состоянии проверенных им рот 11-й и 23-й артиллерийских бригад. Конечно, при желании, как говорится, можно всегда найти недостатки, но ведь приближалось суровое испытание, и это понимали все. А недостатки, если они сохранились, то были исправлены в ходе войны дорогой ценой человеческих жизней, как бывает, к великому сожалению, всегда в подобных случаях.

С началом военных действий Кутайсов был частым гостем в арьергарде, ведь русские войска отступали в глубь страны, отбиваясь от наседающего противника. Так в бою при деревне Кочергищки 23 июня Кутайсов командовал российской артиллерией, которая не только остановила неприятеля, но и принудила его отступить. В ночь на 24 июня Барклай де Толли приказал Кутайсову принять командование над всем арьергардом армии. Вот что докладывал о бое 23 июня главнокомандующий 1-й армией императору на следующий день: "В 6 часов... я услышал канонаду в арьергарде... неприятель начал весьма решительно наступать и действовать сильно артиллериею, но конною нашею артиллериею под начальством генерал-майора графа Кутайсова на всех пунктах был остановлен и напоследок принужден к отступлению. После того аванпосты наши опять переправились за Десну... В полночь... поручил я арьергард... Кутайсову"{42}.

В тот же день Барклай де Толли направил письменное указание Кутайсову: "Зная воинские достоинства Вашего сиятельства, поручаю Вам командование арьергардом вверенной мне армии, к коему извольте немедленно отправиться и принять над оным начальство... Я уверен, что при сей команде Вашей ни мало не остановятся дела по артиллерийской части. Приложенный при сем Высочайший рескрипт с орденом св. Георгия 4 класса Польского уланского полка ротмистру Галеву, Ваше сиятельство ему вручите и, по исполнении сего, мне донесите"{43}. Поручая Кутайсову временное командование арьергардом, Барклай де Толли не освобождал его от обязанностей начальника артиллерии всей армии.

Пять суток арьергард Кутайсова в упорных боях сдерживал наседавшего неприятеля. Однако Кутайсов не слепо исполнял указания вышестоящих начальников, а проявлял при этом разумную инициативу и самостоятельность, исходя из

сложившейся ситуации. Будучи скрупулезным и математически точным в решении поставленных задач, Кутайсов не стеснялся указывать на ошибки, конечно же в дозволенной форме, допускаемые в направлявшихся ему распоряжениях. Свидетельство тому его рапорт от 28 июня начальнику главного штаба 1-й армии генерал-лейтенанту Ф.О. Паулуччи: "Вследствие предъявленного мне Вашим превосходительством повеления, вверенный мне арьергард прибыл в Леополь, - расписание оного по разным пунктам мною получено, но как в повелении Вашем сказано, что распределение сие войск должно быть сделано при сближении арьергарда к лагерю, то и полагаю, что сии пункты должны быть заняты немедленно, о чем и дано от меня повеление, за сим однако же назначением в расписании ничего не упомянуто о сводном гренадерском баталионе 3-й дивизии и одном баталионе 4-го егерского полка, и конной роты № 4-го, то и прошу Ваше превосходительство разрешить меня куда они должны поступить, равно и о том кому начальники отдельных сих частей должны относиться, и приказано ли мне будет явиться в гаубт-квартиру (место расположения главного штаба армии. - А.С.) , полагая что теперь начальствование мое над арьергардом кончается"{44}. Кутайсов мог так завершать рапорт, т.к. порученный ему арьергард переформировывался и дела требовали от него возвращения к основной должности.

На другой же день состоялся приказ главнокомандующего 1-й Западной армией № 51 от 29 июня 1812 года: "Господин Главнокомандующий изъявляет свою признательность артиллерии господину генерал-майору графу Кутайсову за усердие его и отличный порядок, который наблюдался во время командования его арьергардом, о чем делает известным по всей армии; господину генерал-майору графу Кутайсову возвратиться по-прежнему к своему месту"{45}. Однако отвага молодости брала верх над рассудком и над регламентами. Кутайсов по-прежнему предпочитал находиться там, где была наибольшая опасность, а не при штабе главнокомандующего.

14 июля Кутайсов снова оказался в арьергарде в бою при селе Какувячине близ города Витебска и был ранен в ногу. О том, как это произошло, поведал в своих воспоминаниях отставной генерал-майор Н.А. Дивов, в 1812 году состоявший ординарцем Кутайсова в чине прапорщика гвардейской артиллерийской бригады: "... Около полудня стала слышна довольно сильная перестрелка в нашем ариергарде. Граф А.И. Кутайсов приказал седлать лошадей и, взяв с собою своего старшего адъютанта Поздеева, меня и барона Шепинга, отправился на место, где была сильная ружейная перестрелка. Не прошло и получаса, как граф

сказал мне, что он ранен и чтобы я поспешил снять его с лошади, что и было мною исполнено. Граф был ранен пулею в правую ляжку. Понесли мы его на солдатской шинели до ближайшей корчмы, где и вынута была пуля... На другой день... назначено снова отступление... Граф А.И. Кутайсов, несмотря на то, что накануне получил рану, был верхом все время, пока отступали войска. Припоминаю слова, сказанные тогда при мне графу Кутайсову А.П. Ермоловым: "Вот как отступают в Пикардии"{46} (французская поговорка). Ермолов в это время являлся начальником штаба 1-й армии.

А в письме командира 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта П.П. Коновницына жене от 16 июля 1812 года находим такие слова: "14-го числа в самое сражение... графа Кутайсова, коего я, взявши за руку, ехал вместе с моей стороны мимо моей шпаги (т.е. слева. - А.С.) , ранили в ляшкку..."{47} Об этом же докладывал в рапорте государю от 15 июля за № 538 Барклай де Толли: "14-го числа генерал-майор граф Кутайсов ранен пулею в ногу, но не смотря на то он как до окончания вчерашнего дела, так и сегодня был в оных"{48}. И действительно, документы подтверждают, что 15 июля Кутайсов командовал артиллерией в арьергардном бою на речке Лучесе под Витебском.

Осматривал и перевязывал рану Кутайсова лейб-медик Я.В. Виллие, которого Кутайсов просил никому не говорить о его ране. Но слишком много было тому свидетелей. А за несколько дней до этого Кутайсов был в числе тех, кто уговаривал Виллие, состоявшего при императоре, не покидать армию и возглавить ее медицинскую службу. Почему же и здесь Кутайсов? Да потому что Виллие в 1799 году удачно оперировал отца генерала и по его ходатайству был назначен лейб-хирургом императора. Иначе говоря, семья Кутайсовых бесспорно вызывала у Виллие приятные воспоминания. Сам же Виллие писал А.А. Аракчееву 12 сентября 1812 года из Красной Пахры после оставления Москвы русскими войсками: "Вскоре по отбытии из армии Государя Императора, просили меня гг. генералы: граф Остерман-Толстой, Коновницын, Ермолов, граф Кутайсов, и прочие лучшие и храбрейшие офицеры армии, остаться при оной и я, удовлетворяя общему их желанию, оставил тогда же экипажи Его Величества"{49}. (Генерал-лейтенант граф А.И. Остерман-Толстой командовал в 1812 году 4-ым пехотным корпусом).

22 июля 1-я и 2-я русские армии наконец соединились под Смоленском. После их неудавшейся попытки обойти неприятеля и атаковать части левого фланга его центральной группировки, они сами оказались под угрозой обхода, предотвращенной

мужественными действиями отряда генерал-маора Д.П. Неверовского. 4 августа Смоленск обороняли полки 2-й армии, а в ночь на 5 августа их сменили части 1-й армии, поддержанные 27-й пехотной дивизией Неверовского. Кутайсов казалось был всюду, хладнокровно распоряжаясь действиями артиллерии. Он успешно и умело поддерживал артиллерийским огнем отражение атак французов на Малаховские ворота и предместье Раченки. "Неустрашимость генерал-майора Неверовского и присутствие генерал-майора графа Кутайсова... направлявшего действие батарей, всегда торжествовали над усилиями неприятеля", - свидетельствовал Ермолов{50}.

"... 5-го августа, когда ожесточенныя нападения возобновились в большем размере, 27-я дивизия помещена была в Раченском предместии (Смоленска. А.С.), - писал А.И. Михайловский-Данилевский. - Обращенный сюда корпус Понятовского (5-й корпус Великой армии Наполеона, состоявший из поляков. А.С.) , истощал все усилия к одолению русских. Неверовский, подкрепленный гвардейскими егерями, и искусными распоряжениями начальника артиллерии 1-й армии графа Кутайсова, лично управлявшаго действием орудий, поставлял неодолимую преграду полякам. Тщетно усиливались они ворваться (в город. А.С.). Напрасно кидались они к самим стенам, даже врывались в ворота небольшими топами. Ни один из них не возвращался..."{51}

Адъютант Ермолова П.Х. Граббе вспоминал: "Второй день обороны Смоленска. Ожесточенный бой в районе Молоховских ворот. Я поехал с графом Кутайсовым к Никольским воротам. Подъезжая к ним, мы встретили полки Неверовского в поспешном отступлении в город, но не рассыпаясь, однако, ружейный огонь почти уже в воротах, и минута критическая. Граф Кутайсов стал останавливать отступающих, как вдруг подскакал к нам из ворот генерал с неустрашимым негодованием на лице, с ругательством на отступающих и, завидев Кутайсова, громко спросил: "Кто здесь мешается не в свое дело?" Граф Кутайсов гордо поднял свою прекрасную голову: "Я граф Кутайсов, начальник артиллерии, и мое место везде. Вы кто?" - "Я Неверовский". Они молча, с уважением взглянули, кажется впервые, друг на друга. Полки опять пошли вперед... Гр. Кутайсов поручил мне поставить артиллерию... С батареи перед Малаховскими воротами дали знать, что снаряды подходят к концу. Граф Кутайсов поручил мне взять из первой артиллерийской роты, которую встречу, несколько ящиков и вести на батарею... Заряды пришли кстати"{52}.

После успешного отражения вражеских ударов многие

военачальники решили просить Барклая де Толли продолжать оборону Смоленска и на следующий день, не ведая, что противник начал обход города. Зная, что Барклай де Толли отличал и любил Кутайсова больше других, попросили его доложить главнокомандующему просьбу генералитета о дальнейшей защите Смоленска. Выслушав Кутайсова, Барклай де Толли ответил: "Пусть всякий делает свое дело, а я сделаю свое"{53}. 6 августа русские войска продолжили отступление к Москве. "Армии наши оставили залитый кровью и объятый пламенем пожара Смоленск, взяв из него, к утешению страдавших от скорби душ, образ Смоленской Присно-Девы, - вспоминал командир батальона 1-го егерского полка майор М.М. Петров, - выхваченный из огня, объявшего уже город, генералом графом Кутайсовым с артиллеристами батарейной роты полковника Глухова"{54}. Возможно событие это не носило столько патетики, но важно отметить причастность православного христианина Кутайсова к спасению одной из самых больших православных святынь - образа Смоленской Божией Матери Одигитрии.

Войска отступали двумя колоннами, которые должны были соединиться в районе селения Лубино у Валутиной горы. Этот пункт прикрывал отряд генерал-майора П.А. Тучкова, который в упорном бою 7 августа сдерживал попытки неприятеля перерезать дорогу и воспрепятствовать выходу второй колонны на магистраль, по которой уже двигалась первая колонна войск. В связи с тем, что при орудиях, поддерживавших Тучкова было оставлено по одному зарядному ящику, а остальные отправлены в тыл, артиллеристы, расстреляв все снаряды, начали сниматься с огневой позиции. Как не вспомнить тут пункт 16 "Общих правил". Раздосадованный Тучков поспешил доложить об этом Барклаю де Толли, находившемуся поблизости, и "нашел его оставляющего уже позицию вместе с начальником артиллерии генерал-майором графом Кутайсовым, который на донесение мое главнокомандующему о том, что артиллерия оставила места свои без приказания, по недостатку снарядов, уверял меня, что он приказал уже другой батарейной роте идти на смену тех орудий и занять те же самые места, где первая находилась, на что я ему отвечал, что это выполнить уже будет очень трудно: ибо неприятель, пользуясь отступлением войск наших, конечно взойдет и займет оставленные нами высоты, что точно и случилось", - вспоминал Тучков{55}.

Когда оставившие Смоленск русские войска 8 августа подходили к Соловьевой переправе, оказалось, что большая часть артиллерии запоздала в пути и могла быть отрезана неприятелем. Узнав об этом, Ермолов срочно послал к ней Кутайсова с задачей

максимально ускорить движение артиллерии. И Кутайсов привел артиллерию, воспользовавшись условием 13-го пункта "Общих правил", разрешавшим для ускоренного передвижения пешей артиллерии сажать орудийные расчеты на лафеты, передки и зарядные ящики. "Здесь в первый раз, - как утверждал Д.В. Давыдов, - была употреблена команда: "На орудие садись"{56}.

14 августа русские войска остановились в районе Вязьмы. "В Вязьме я зашел к графу Кутайсову под вечер, - поведал Граббе. - Он сидел при одной свечке, задумчивый, грустный: разговор неодолимо отзывался унынием. Перед ним лежал Оссиан (легендарный воин и бард кельтов, живший в III веке. А.С.) в переводе Кострова. Он стал громко читать песнь Картона (вождь британцев, юным погибший в войне. - А.С.) . Приятный его голос, дар чтения, грустное содержание песни, созвучное настроению душ наших, приковали мой слух и взгляд к нему. Я будто предчувствовал, что слышу последнюю песнь лебедя"{57}.

К этому времени стало известно об избрании и утверждении императором нового главнокомандующего всеми войсками, действовавшими против Наполеона. Кутайсов одним из первых узнал об этом вероятнее всего от брата-сенатора. "Граф Александр Иванович, получивший на этот счет верное известие, написал о том несколько строк на клочке бумаги и приказал мне отвезти эту записку к другу своему Ермолову, - вспоминал Дивов, - прибавив, чтобы я никому ее не показывал, а в случае невозможности сохранить тайну, уничтожил бы записку"{58}.

17 августа в армию, остановившуюся в районе села Царево-Займище, недалеко от Гжатска, прибыл новый главнокомандующий генерал от инфантерии светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов. Он "ласково встретил Кутайсова, по свидетельству Михайловского-Данилевского, - расспросил о состоянии артиллерии и парков, просил не вдаваться излишне в опасности", помнить об ответственности, возлагаемой на него должностью начальника артиллерии{59}.

Каждый день отхода армии от Царева-Займища до Бородина Кутайсов напряженно работал, готовя артиллерию к генеральному сражению, которого ждали со дня на день. Когда же позиция была выбрана и определено общее размещение войск на ней для предстоящего сражения, Кутайсов сам проверил расположение каждой артиллерийской роты, огневую позицию каждой батареи, уточнял секторы обстрела, добиваясь перекрытия огнем всего пространства на подступах к основной позиции. Его стараниями был создан сильный и мобильный артиллерийский резерв и каждое орудие было обеспечено оптимальным возимым боекомплектом выстрелов. Дивов подтверждал, что "24 августа

вечером Кутайсов сам расставлял все батареи 1-й армии, а накануне Бородинского дня посылал меня объехать батареи и донести ему об из расположении и состоянии"{60}. На другой день Кутайсов скорректировал расположение батарей по результатам Шевардинского боя и доложил Кутузову о всех сделанных распоряжениях по артиллерийской части, что подтверждал и Михайловский-Данилевский.

О том, как провел свой последний в жизни вечер 25 августа Кутайсов, подробно рассказал поручик 17-й артиллерийской бригады Н.Любенков: "Незабвенный граф Кутайсов... храбрый, просвещенный генерал, подававший великие надежды отечеству, внушавший полное к себе уважение благородным характером, мужеством, бывший отцом своих подчиненных, накануне... сражения (25 августа. - А.С.) приехал осматривать к нам линию артиллерии на всей позиции, занимаемой армиею, входил в прения с офицерами о выгодах местного положения для артиллерии, позволял оспоривать себя, и следовал за мнениями нашими; наблюдал проницательно, спрашивал о причинах, заставивших каждого из нас поставить так или иначе свои орудия, и соглашался, если мы были правы. Так, видя одно из моих орудий в ущелии: "Вы его превосходно поставили, сказал он, - прислуга закрыта от огня неприятеля, и оно может действовать на довольно обширном пространстве, но эти два вы слишком открыли неприятелю". Я объяснил ему, что они стали на гребень отвесной горы и действуя на произвольном пространстве, оставаясь на виду, не могут служить метой неприятелю, ибо выстрелы слишком должны быть счастливы, чтоб ядра в орудия попадали. - "Ваша правда, - сказал он, подъезжая ближе к ним, - я этого еще не замечал, и я бы не избрал лучших мест". Тут он соскочил с лошади, сел на ковер и пил с нами чай из черного обгорелого чайника. - "Я сегодня еще не обедал", - сказал он. Так дружески прощался с нами Кутайсов на закате прекрасной своей жизни; он объяснил нам значение следующего дня, вскочил на лошадь и помчался. Мы следили долго этого любимого нами человека, и кто знал, что в последний раз"{61}.

Еще со времени появления полковой артиллерии, потеря орудия считалась таким же бесчестьем, как и потеря знамени. Поскольку артиллерийские подразделения и части не имели знамен, этот подход перешел и на полевую артиллерию. В результате артиллерия в бою снималась с огневой позиции при первом же подозрении, что ей угрожает опасность захвата орудий неприятелем. Из-за этого далеко не полностью использовались возможности столь грозного оружия, как артиллерийское орудие. Поэтому некоторые офицеры стали выступать против

сложившегося правила за более эффективное применение артиллерии. Одним из них стал Д.А. Столыпин, участник двух кампаний, писавший в статье "О употреблении артиллерии в поле" за два года до Отечественной войны: "Офицер, под предлогом, что может потерять свои пушки, не должен отходить назад. Пушка никогда столько не наносит вреда, как перед тою минутою, что ее возьмут; но тогда-то прикрывающее ее войско должно броситься вперед и отбить уже расстроенного неприятеля"{62}. Печатные заявления и примеры бывших боев, в частности потеря орудий ротой Ермолова под Аустерлицем в 1805 году, были поводом к пересмотру прежнего взгляда. Однако, Кутайсову, разделявшему мнение Столыпина, не удалось отразить этого вопроса в "Общих правилах", так как против предложенного Столыпиным подхода выступил сам император. В рескрипте от 24 августа 1812 года Александр I предписывал: "...Тех командиров артиллерийских рот, у которых в сражении потеряны будут орудия, ни к каким награждениям не представлять"{63}.

И все же, накануне третьего дня генерального Бородинского сражения, после немалых раздумий, понимая значение предстоящей битвы и роль в ней артиллерии, в конце дня 25 августа Кутайсов пишет по-французски распоряжение, незамедлительно разосланное всем начальникам артиллерийских бригад 1-й и 2-й армий, ибо Кутузов назначил его начальником артиллерии соединенных армий: "Подтвердить от меня во всех ротах, чтоб оне с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем господам офицерам, что, отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно только достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собою; пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор, и батарея, которая таким образом будет взята, нанесет неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий"{64}. Ординарец Кутайсова прапорщик 2-й гвардейской легкой артиллерийской роты А.С. Норов, доставивший вышеприведенное распоряжение в гвардейскую артиллерийскую бригаду, дает, однако, несколько иной вариант перевода последней фразы этого документа в своих воспоминаниях: "... Если за всем этим батарея была и взята, хотя можно почти поручиться в противном, то она уже вполне искупила потерю орудий"{65}. Понятно, что главный смысл этого распоряжения - снять с артиллерийских командиров ответственность за потерю орудий в бою, что вело, как правило, к наказанию их, как бы мужественно не действовали их

подразделения. Против такого порядка выступал еще ранее и А.П. Ермолов. И вот теперь эту ответственность Кутайсов брал на себя.

Ночь с 25 на 26 августа Кутайсов провел в крестьянской избе с Ермоловым и П.А. Кикиным. Правда, тогдашний начальник канцелярии главнокомандующего 1-й армией полковник А.А. Закревский утверждал в своих воспоминаниях, что Кутайсов ночевал с ним и Барклаем де Толли. Как бы то ни было, но сон долго не приходил, и беседа шла о предстоящей битве. "Уверяют, - писал историк Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенант М.И. Богданович, - что ввечеру, накануне Бородинского сражения, он (Кутайсов. - А.С.), беседуя с несколькими избранными друзьями... сказал: "Желал бы я знать кто-то из нас завтра останется в живых?"{66} Ответ на этот вопрос мы находим в записках Д.В. Давыдова: "... Он (Кутайсов. - А.С.) был поражен словами Ермолова, случайно сказавшего ему: "Мне кажется, что завтра тебя убьют". Будучи чрезвычайно впечатлителен от природы, ему в этих словах неизвестно почему послышался голос судьбы"{67}. Возможно Давыдов записал это со слов самого Ермолова, но ответ Ермолова оказался пророческим.

С начала Бородинского сражения "искусный, бесстрашный начальник артиллерии... хладнокровно переезжал с одной батареи на другую, - писал Михайловский-Данилевский. - Несколько раз во время сражения призывал его к себе Кутузов и разговаривал с ним о ходе битвы"{68}. А когда главнокомандующий предложил ему усилить артиллерию в боевых порядках войск резервными орудиями, "Кутайсов до такой степени был уверен в возможности удержать за нами поле сражения, что сказал Кутузову: "Я не вижу необходимости посылать за резервною артиллериею"{69}. Порой Кутайсов сам руководил огнем батарей и распределением орудий в боевых порядках войск "преимущественно же, где наиболее угрожала опасность"{70}. Не случайно поэтому в наградных списках за 26 августа, например, читаем: "... Подпоручик Криштафорович 2-й из 45-й легкой роты 24-й артиллерийской бригады с двумя орудиями по приказанию Кутайсова командирован в линию стрелков"{71}.

Когда бой усилился, командный пункт от деревни Горки переместился ближе к центру. "Кутайсов стоял перед одною артиллерийскою ротою, - рассказывал Ратч, - когда просвистело ядро и несколько артиллеристов наклонили головы. "Стыдно, ребята, кланяться", - громко сказал Кутайсов; в это время над его головою пролетело другое ядро и он сам ему поклонился. "Это не в счет, улыбаясь продолжал Кутайсов, - это мое знакомое, его при мне отливали"{72}.

О том, что же происходило с Кутайсовым после 11 часов 26 августа 1812 года, в "священный День Бородина" рассказали несколько очевидцев, бывших рядом с ним.

Ермолов. "Кутузов запретил мне от него отлучаться, равно как и... Кутайсову, который на него за это и досадовал, ибо отличная храбрость уже влекла его в средину опасности{73}... Когда послан я был во 2-ю армию, граф Кутайсов желал непременно быть со мною. Дружески убеждал я его возвратиться к своему месту, напомнил ему замечание князя Кутузова, с негодованием выраженное, за то, что не бывает при нем, когда наиболее ему надобен (Граф Кутайсов с самоотвержением наблюдал за действием батарей, давая им направление, находился повсюду, где присутствие начальника необходимо, преимущественно, где наиболее угрожала опасность.): не принял он моего совета и остался со мною... Проезжая недалеко от высоты... Раевского (центральная высота - опорный пункт 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского, названная позднее "батареей" Раевского. А.С.), я увидел, что она была уже во власти неприятеля... остановил бежавших стрелков наших... Три конные роты (артиллерии. - А.С.) ... облегчили мне доступ к высоте, которую я взял... в десять минут... Граф Кутайсов, бывший со мною вместе, подходя к батарее, отделился вправо, и встретив там часть пехоты нашей, повел ее на неприятеля. Пехота сия была обращена в бегство, и граф Кутайсов не возвратился. Вскоре прибежала его лошадь, и окровавленное седло заставило предполагать о его смерти; могло оставаться и горестное утешение, что он ранен и в руках неприятеля... На другой день офицер, принявший его упадающего с лошади уже без дыхания, доставил мне ордена и саблю, которые отправил я к родному его брату"{74}.

Граббе. "Долго Кутузов не отпускал от себя Ермолова и графа Кутайсова, порывавшихся к Багратиону. Но когда... Кутузов приказал Ермолову ехать туда... граф Кутайсов поехал с нами. Здесь я видел его в последний раз. Едва поравнялись мы с батареей Раевского... как увидели направленные на нас передки артиллерии с этой батареи и нашу пехоту, в расстройстве отступающую. ...Ермолов тотчас... повел на нее эту же самую толпу... Скоро по возвращении моем на батарею увидели скачущую полем лошадь графа Кутайсова. Ее поймали. Седло и стремя были окровавлены. Его давно уже отыскивали офицеры с разных частей армии... Не оставалось сомнения в судьбе его постигшей, но тело его не найдено, и обстоятельства последних его минут остались неизвестны"{75}.

Дивов. "Около 11 часов А.П. Ермолов доложил

главнокомандующему, что князь Багратион... ранен... что Раевского батарея уже взята неприятелем и что потому он счел за нужное отправиться к этой батарее. Граф Кутайсов не последовал приказанию Кутузова оставаться все время при нем и поехал к той батарее вместе с Ермоловым... Удостоверившись, что помянутая батарея находится в руках неприятеля, А.П. Ермолов... повел лично два полка на штыки, и в самое короткое время батарея была отнята у неприятеля... Начальник артиллерии (Кутайсов. - А.С.), заметив, что рота полковника Веселитского (подполковника П.П. Веселитский командовал 24-й батарейной ротой. - А.С.) недостаточно сберегает заряды, отправил меня для передачи этого замечания... Возвратившись на то место, где я оставил графа А.И. Кутайсова, я не нашел его уже там. Все усилия мои вместе с полковником Сеславиным (в то время А.Н. Сеславин был капитаном гвардейской конной артиллерии а адъютантом Барклая де Толли, чин полковника он получил 5 декабря 1812 года. - А.С.) отыскать начальника артиллерии остались тщетными. Вскоре потом увидали бурого боевого коня, стоящего неподвижным не в дальнем расстоянии от батареи, где мы находились. Мы вместе с... Сеславиным подошли к лошади и увидели, что она была облита кровью и обрызгана мозгом, что убедило нас в невозвратной потере для всей российской артиллерии достойнейшего ее начальника"{76}.

Давыдов (вероятнее всего со слов Ермолова). "Кутайсов решился сопровождать его, несмотря на все представления Ермолова, говорившего ему: "Ты всегда бросаешься туда, куда тебе не следует, давно ли тебе был выговор от главнокомандующего за то, что тебя нигде отыскать не могли. Я еду во вторую армию, мне совершенно незнакомую, приказывать там именем главнокомандующего, а ты что там делать будешь?" Они следовали полем, как вдруг заметили вправо на редуте Раевского большое смятение: редутом овладели французы... Ермолов рассудил... выбить неприятеля из редута... в четверть часа редут был взят... В это время исчез граф Кутайсов, который был убит близ редута; одна лошадь его возвратилась. Один офицер, не будучи в состоянии вынести тела, снял с него знак св. Георгия 3-го класса и золотую саблю"{77}. Историк С.А. Малышкин считает, что Кутайсов был убит ядром, поразившим его в шею и грудь, Бывшие рядом солдаты не смогли вынести тело Кутайсова, т.к. нахлынули французы, но успели только снять с его мундира орденские знаки.

Михайловский-Данилевский добавляет ко всему сказанному: "На долю Кутайсова досталось вести пехоту на левое крыло французов... Пожав руку Паскевичу, Кутайсов двинулся вперед,

ударил в штыки, и - белее не видали его"{78}. Генерал-майор И.Ф. Паскевич командовал 26-й пехотной дивизией, прикрывавшей центральный редут. Нельзя не обратить внимания и на утверждение Михайловского-Данилевского о том, что "Кутузов приказал Кутайсову и Ермолову ехать туда (т.е. на левый фланг русский войск. - А.С.) , узнать достоверно о происходившем и принять меры, сообразные обстоятельствам"{79}. В биографическом очерке Михайловский-Данилевский был еще более категоричен: "Кутузов послал на наше левое крыло графа Кутайсова с приказанием усилить артиллерию"{80}. Как видим, мнение адъютанта Кутузова не совпадает с суждением по тому же поводу начальника штаба 1-й армии. Трудно сказать однозначно кто же из них прав.

Г.П. Мешетич, подпоручик 2-й батарейной роты 11-й артиллерийской бригады, участвовал в Бородинском сражении и в своих записках тоже упомянул о гибели Кутайсова, однако весьма своеобразно: "Уже французская конница на батарее - летит на помощь оной юный герой, уже известный своею доблестию, доброю душою и умом, начальник артиллерии в звании генерал-майора граф Кутайсов, схватил ближайший полк кавалерии - "Вперед, в атаку, защитить свою батарею!" Увы! Защитил, но не остановил порыва бегу своей лошади, не оглянулся, далеко ли от него позади полк, померк в очах его сей свет, множество посыпалось на него сабельных ударов, лошадь его одна назад только возвратилась; он имел уже Георгия 3-й ст. на шее, и дух его отлетел для украшения небесными лаврами".{81}

Приведенные свидетельства очевидцев или записанные со слов очевидцев, отличные в деталях, но единые в главном, хочется закончить словами Ермолова: "... Граф Кутайсов расстался со мною при самом начале атаки возвышения ("батареи Раевского". - А.С.), и я уже не видал его белее... В третьем часу по полудни, находясь на занятом мною возвышении, обеспеченный с избытком всеми средствами к обороне, я получил известие о смерти графа Кутайсова. Верховая лошадь его прибежала в лагерь, седло и черпак на ней обрызганы кровью и мозгом. В лета цветущей молодости, среди блистательного служения, занимая важное место, пресеклась жизнь его. Не одним ближним горестна потеря его: одаренный полезными способностями, мог он в последствии оказать отечеству великие услуги... Вечным будет сожаление мое, что он не внял убеждениям моим возвратиться к своему месту, и если бы не желание непременное быть со мною, быть может, не пал он бесполезною жертвою"{82}.

30 августа в Санкт-Петербург пришла весть о Бородинском сражении. Н.Д. Дурново в тот же день записал в дневнике:

"Курьер привез известия... о генеральном сражении... Граф Кутайсов пропал. Полагают, что он взят в плен..."{83}. Как хотелось родным и близким надеяться, но судьбе было угодно распорядиться иначе...

Четвертый пункт приказа главнокомандующего 1-й армии от 24 июня 1812 года № 48 гласил: "4-й артиллерийской бригады поручик Мячков и 23-й артиллерийской бригады поручик Вындомской назначаются старшими адъютантами к начальнику артиллерии генерал-майору графу Кутайсову"{84}. Но не прошло и трех месяцев, как состоялся очередной приказ Барклая де Толли № 92 от 6 сентября 1812 года, напомнивший о грустных событиях: "Бывшие адъютанты генерал-майора графа Кутайсова, артиллерии поручики Мячиков, Выдомский (написание фамилий оставлено без изменений. - А.С.) , Бремзен прикомандировываются к начальнику артиллерии генерал-майору Бухольцу (барон О.И. Бухольц сменил Кутайсова. - А.С.), поручику Поздееву состоять при начальнике главного штаба" (Ермолове. - А.С.){85}.

А 24 сентября 1812 года, когда пропали последние надежды на то, что Александр Кутайсов в плену, М.И. Кутузов написал безутешному отцу, которого знал не один год, проникновенные строки истинного сострадания: "Милостивый государь мой граф Иван Павлович, несколько дней уже прошло, как получить я имел честь письмо Вашего сиятельства и доселе не смел приняться за перо, дабы не быть первым горестным вестником родительскому Вашему сердцу. Если общее участие, приемлемое всею армиею, в значительной потере, сделанной его на поле чести, достойного сына Вашего может усладить хотя несколько живую скорбь Вашу, то примите, Ваше сиятельство, уверение в таковой же чувствах имеющего быть с отличным почтением Вашего сиятельства вечно скорбным слугой князь Михайла Г.-Кутузов"{86}. Жизнь брала свое, но память оставалась и в официальных документах, письмах и воспоминаниях еще частенько упоминалось об А.И. Кутайсове. Память нельзя запретить или истребить. А пока о человеке помнят, он живет сведи нас, он жив в нашей памяти и сегодня.

Чем же объяснить, что в официальных рапортах и докладах Борклая де Толли, Ермолова, Раевского и других военачальников о Бородинском сражении ничего не сказано о гибели Кутайсова, а сведения об этом появляются в записках и воспоминаниях некоторых из них, спустя много лет? По-моему, ответ напрашивается сам собой: с Кутайсовым считались, его уважали за образованность и смелость, но его не любили, ему завидовали, считая выскочкой, чья карьера была обеспечена его отцом - фаворитом императора Павла I. Нелюбовь к отцу перешла и на

сына.

Давно уже нет Александра Кутайсова, его завистников и доброжелателей. Сохранились лишь сухие строки документов да скупые фразы записок, дневников и воспоминаний о незаурядном и храбром человеке, ушедшем из этой жизни, не дожив четырех дней до своего 28-летия. "Он был еще в цветущих летах, с привлекательными чертами лица; товарищи и подчиненные не могли налюбоваться его храбростью, его воинскими дарованиями. Глядя на него, так легко было вспомнить о молодом Паладине (т.е. доблестном рыцаре, преданном государю. А.С.) средних веков! И тем легче, тем естественнее, что великая битва, где ратовало рыцарство, закованное в железо, битва при Креси (битва между англичанами и французами во время Столетней войны. - А.С.) происходила в то же самое число, 26 августа (1346-го года), как и наша Бородинская! Юность, осанка, мужество, все соединялось в живом, бодром воине: это граф Кутайсов, командир всей артиллерии при Бородине"{87}, - восклицал известный писатель и поэт Ф.Н. Глинка, поручик Апшеронского пехотного полка 1812 года, участник Бородинского сражения.

На этом можно было бы и закончить краткое повествование об А.И. Кутайсове, но давайте взглянем на оценку современниками и историками последствий его гибели.

"Что бы не говорили, но последствия достаточно доказывают, что сражение 26-го было проиграно... Одна из причин, послуживших к проигрышу сражения, произошла, как меня уверяли, от беспорядка, поселившегося в артиллерийском парке, после того как убили графа Кутайсова"{88}, - писал генерал-лейтенант Ф.Ф. Винценгероде 13 сентября 1812 года императору Александру I. Винценгероде не был непосредственным участником Бородинского сражения, но был достаточно хорошо осведомлен о нем, поэтому и сомневался в том, что гибель Кутайсова привела к "беспорядку" в обеспечении артиллерии боеприпасами, а это, в свою очередь, стало якобы одной из причин тактического проигрыша Бородинского сражения.

Неизвестный русский офицер, вероятно участник Бородинского сражения, в своей дневниковой записи выдвинул другую столь же сомнительную версию последствий гибели Кутайсова: "... Командир артиллерии граф Кутайсов убит, и никто не знал, в котором месте резервная артиллерия расположена"{89}. Автор этих строк прежде всего продемонстрировал собственную неосведомленность, ибо место резервной артиллерии было определено диспозицией к сражению, доведенной до всех командиров корпусов, а ими, в части качающейся, и до подчиненных им командиров соединений

и частей, в том числе и до командиров артиллерийских бригад пехотных дивизий.

Князь А.Б. Голицын, в 1812 году ординарец Кутузова и корнет лейб-гвардии Конного полка, в своих записках дополнил сведения о последствиях гибели Кутайсова: "Кутузов часто повторял, что со смертию Кутайсова армия много потеряла. Хотя граф Кутайсов был во всем отличный человек и конечно на поприще военном отличный генерал, но слова Кутузова не относились к лицу его; ибо он его мало знал еще, а к тому, что на этот день не имел он при себе начальника артиллерии. Неизвестность распоряжений, сделанных Кутайсовым, произвела то, что на всех пунктах у нас стало менее орудий, нежели у французов и часто против неприятельских батарейных орудий действовали с нашей стороны полевые орудия. Здесь упоминается о сем: ибо Кутузов неоднократно приписывал этому событию не полный успех, как бы ему быть должно, по его соображению... Кутузов... говорил это из одной политики"{90}. Однако, и суждения Голицына вызывают большие сомнения. Во-первых, известно, что Кутайсов еще 25 августа доложил Кутузову о всех сделанных по артиллерии распоряжениях к предстоящему сражению, как свидетельствовал адъютант главнокомандующего Михайловский-Данилевский. В-третьих, количественное превосходство неприятельских орудий на отдельных направлениях вовсе не всегда вело к его огневому превосходству. В-четвертых, контрбатарейную стрельбу или артиллерийскую дуэль вполне могут вести легкие орудия с батарейными. Кстати сказать, и в "Общих правилах" нет требований близких к указанным, даже там, например, где идет речь о "стрельбе по батареям" (в пункте 7). После всего сказанного причина "неполного успеха" в Бородинском сражении, выдвинутая Кутузовым, выглядит не слишком убедительно. К тому же и сам Голицын в нее не верил, указав на чисто политический характер приведенных Кутузовым доводов. К сожалению, подобные "политические" ходы у Кутузова были не единичны, так, например, докладывая императору о причинах сдачи Москвы, Кутузов ссылался, как на одну из причин, на сдачу Смоленска Барклаем де Толли.

О тех же последствиях гибели Кутайсова писал и Михайловский-Данилевский, но опять же со ссылкой на Кутузова: "... Невознаградимою потерею была смерть графа Кутайсова. Во время общей атаки наших на курган (центральная высота, на которой располагалась "батарея Раевского". - А.С.), он отделился вправо, пожал руку Паскевичу, повел пехоту в штыки и более не возвращался. Вскоре прибежала его лошадь, и по окровавленному на ней седлу заключили о смерти Кутайсова. Ему было только 28

лет, но Отечество веселилось уже его быстрыми шагами на поприще славы. Общим голосом признаваемы были в нем способности необыкновенные. Его смерть имела важные последствия на весь ход сражения, лишив 1-ю армию начальника артиллерии в такой битве, где преимущественно действовали орудия. Неизвестность сделанных Кутайсовым распоряжений произвела то, что многие роты, расстреляв заряды, не знали откуда их пополнить, и против батарейных французских орудий действовали у нас, в иных местах, легкие. Когда впоследствии заходила речь о Бородинском сражении, князь Кутузов обыкновенно говаривал, что если не одержан полный успех, на какой, по своим соображениям, мог он надеяться, тому причиною была смерть Кутайсова"{91}. К сожалению, в приведенном фрагменте Михайловский-Данилевский зачастую противоречит сам себе.

Норов фактически повторил слова Михайловского-Данилевского, поддержав все им написанное: "... Самый пламенный Кутайсов, лишь несколько часов тому назад, с необыкновенным оживлением передавал мне вышеприведенные его заповедные слова артиллерии, которая в этот день их выполнила при нем и продолжала выполнять, не зная, что его уже нет с нами... Замечательно, что та именно центральная батарея, возле которой Кутайсов был убит, не преставала действовать, доколе неприятель не сел верхом на ее пушки; но они тут же были опять выручены, выкупив вполне временную свою потерю устланными вокруг неприятельскими трупами. Весьма справедливо сказал Данилевский (А.И. Михайловский-Данилевский. - А.С.), что смерть Кутайсова имела важные последствия на весь ход сражения, лишив 1-ю армию начальника артиллерии в таковой битве, где преимущественно действовали орудия, и что неизвестность сделанных Кутайсовым распоряжений произвела то, что многие роты, расстреляв заряды, не знали откуда их пополнить... многие роты простояли без дела, а другие были довольно поздно употреблены"{92}.

А дежурный штаб-офицер 6-го пехотного корпуса майор Д.Н. Болговский добавляет: "После потери генерала Кутайсова наша артиллерия действовала только по частям и без связи"{93}. А кто, позволительно спросить, мешал частным начальникам проявлять инициативу, которая наоборот поощрялась "Общими правилами"? Каждая артиллерийская батарея и призвана решать частные задачи на своем участке в каждый конкретный момент боя в тесном взаимодействии с пехотой и кавалерией, которую она поддерживала. Достаточно вспомнить действия батареи капитана Р.И. Захарова.

Что же касается историков, то они, вспоминая о Кутайсове, как правило, тиражировали, достаточно глубоко не анализируя, приведенные суждения участников Бородинской битвы, добавляя утверждение М.И. Богдановича, высказанное в его "Истории Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам": "... В числе погибших был подававший блестящие надежды граф Кутайсов. 28-ми лет отроду, уже достигший генеральскаго чина, украшенный многими знаками отличий, даровитый, образованный, скромный, Кутайсов, занимая должность начальника артиллерии Первой армии, принес большую пользу своими распоряжениями в сражении под Смоленском... Без всякого сомнения, кончина его была причиною тому, что в Бородинском сражении многие наши батареи простояли напрасно в резерве и что наша артиллерия не выказала в этой исполинской битве всей своей силы. Сам Кутузов был этого мнения и впоследствии говаривал, что Бородинское сражение имело бы несравненно лучший для нас исход, если б остался в живых Кутайсов. Неизвестно - как и где погиб он; по окровавленному седлу его лошади, прибежавшей к войскам, узнали о его смерти. Одаренный прекрасною наружностью, осыпаемый дарами фортуны, уважаемый и любимый всеми его знавшими, - Кутайсов, как будто бы предвидя свою участь, нередко предавался задумчивости. Уверяют, что ввечеру, накануне Бородинского сражения, он, беседуя с несколькими избранными друзьями, о предстоящей битве, сказал: "Желал бы я знать - кто-то из нас завтра останется в живых?"{94}

Однако, всем, кто пытался списать на погибшего Кутайсова свои промахи, ответил участник и историк Бородинской битвы, обер-квартирмейстер 6-го пехотного корпуса в 1812 году поручик И.П. Липранди: "Смерть Кутайсова несомненно была важною потерею для России, но... она не имела того важного последствия, которого Кутузов ожидал в день Бородинского сражения. Пред генеральною битвою... и по высокому мнению... о Кутайсове, нельзя предполагать, чтобы он не сделал распоряжений о снабжении зарядами тех батарей, которым бы встретилась в том надобность... Тайна или неизвестность этих распоряжений не могла с ним погибнуть. Весь его штаб и начальники полков остались. Места, занимаемые этими последними, были известны, и в этом случае каждый батарейный начальник знает, как распорядиться, не прибегая даже к начальникам артиллерии при корпусах, которые все должны были иметь распоряжение по этому предмету (накануне или заблаговременно), если оно было только сделано, и если было необходимо делать его. Если же распоряжения никакого сделано не было, и если оно было еще и

необходимо - в таком случае Кутайсов не может стоять на такой точке славы, которая ему приписывается. Распоряжения главного начальника артиллерии при армии относительно запасов имеют пространный круг действия тогда, когда дело идет о сосредоточении артиллерийский рядов из разных арсеналов к точке действий, и верный расчет времени их прибытия и расходования. Но в день битвы круг его действия не столь значителен в отношении снабжения зарядами частей, расстрелявших их. На линии в 5 верст каждый предварительно должен знать, где он может получить снаряды, и все, конечно, знали... Относительно же, что "в иных местах наши легкие орудия должны были действовать против неприятельских батарей", то это началось еще и при Кутайсове, когда дело не совершенно завязалось, и когда еще можно было помышлять о подобных распоряжениях. И если Кутайсов не сделал этих распоряжений, то стало быть не было в том особой необходимости"{95}.

Что же касается использования артиллерийского резерва в ходе Бородинской битвы, то на этот вопрос ответил историк А.П. Ларионов еще в 1962 году, доказавший в специальном исследовании, что "все 296 орудий резервной артиллерии приняли участие в Бородинском сражении. Главный артиллерийский резерв находился под контролем Кутайсова, и все роты резерва вводились в бой по его распоряжению. Русская артиллерия на наиболее угрожаемых участках непрерывно подкреплялась резервами. Это обеспечивало стойкую оборону. Противнику не удалось добиться превосходства в мощности артиллерийского огня. Из артиллерийских рот 1 Западной армии не участвовали в сражении 2-я конная рота донской артиллерии и оставшиеся на правом фланге 8-я и 44-я легкие роты"{96}.

Однако, физическая смерть Кутайсова не лишила последующие поколения его духовного наследия. В бумагах графа сохранилась писарская копия "Общих правил для артиллерии в полевом сражении", испещренная исправлениями автора{97}. Если учесть, что "Общие правила..." были введены накануне Отечественной войны 1812 года, значит изменения вносились в этот текст в течение трех последних месяцев жизни автора, т.е. в июне-августе 1812 года. А ведь в это время Кутайсов, не достигший еще и 28 лет, командовал артиллерией 1-й Западной армии, участвовал в арьергардных боях, был ранен, но остался в строю пока геройски не погиб на Бородинском поле. Изменения порядка слов и замена отдельных слов или словосочетаний аналогичными по смыслу в исправленном варианте канонического текста "Общих правил..." носят в подавляющем большинстве случаев уточняющий характер. Принципиальными

можно считать изменения внесенные лишь в шесть следующих пунктов.

Пункт 4, где идет речь о тех случаях, когда следует создавать батареи "из большого числа орудии", Кутайсов считал необходимым завершить указанием: "В сих случаях прибегать к резервам артиллерии". Это добавление отвечает на вопрос, возникавший при прочтении первых же слов действовавшего пункта 4, откуда брать артиллерию для уввеличения числа орудий в батареях?

В пункте 5 рекомендация о выборе огневых позиций для батарей из единорогов "за небольшими возвышениями, которыми бы они только закрывались" конкретизировалась добавленым разъяснением - "как бруствером".

Добавление, внесенное в пункт 7, расширяло число случаев, в которых следовало обстреливать неприятельские батареи, т.е. вести контрбатарейную стрельбу, - когда они препятствуют занятию позиции, обстреливают вас в дефиле, "или собраны для сделания пролома в вашем войске".

Стремясь исправить вкравшуюся в пункт 8 неопределенность - на какой же дальности действие ядер "смертельнее" для атакующей колонны, - автор добавил для уточнения слова "в дальнем". Слово "расстоянии" добавлять не понадобилось, т.к. оно уже имелось в этом тексте: "... картечью же по колоннам стрелять только в то время, когда они в близком расстоянии, ибо в дальнем действие ядер на них смертельнее".

По утвержденной редакции пункта 14 начальник резервной артиллерии имел право распоряжаться орудиями резерва "по повелению начальства" или самостоятельно по обстоятельствам. Кутайсов изменил редакцию пункта, ограничив свободу действий начальника резервной артиллерией - только в случаях непредвиденных и не терпящих ни малейшего замедления, но после дает отчет в необходимости его распоряжений".

В измененной редакции пункта 21 Кутайсов предпочел вместо объяснения значения меткой стрельбы с технической точки зрения пояснить моральные потери от "напрасной траты зарядов" такими словами: "... безвредное стреляние будет служить ободрением неприятелю и ослабит надежду войск на артиллерию".

Кутайсову не удалось завершить корректировку "Общих правил для артиллерии в полевом сражении" на основе опыта боевого применения артиллерии в 1812 - 1814 годах. Однако и то, что их утвержденный вариант действовал в этот период, обеспечило эффективное применение полевой артиллерии. "Общие правила для артиллерии в полевом сражении" - этот первый боевой устав полевой артиллерии Российской Императорской армии, стал достойным памятником талантливому человеку герою Бородина генерал-майору и кавалеру графу Александру Ивановичу Кутайсову.

"Нет отзывов, неблагоприятных Кутайсову!" - Восклицал не без основания великий князь Николай Михайлович{98}. Даже Ф.Ф. Вигель, считавший И.П. Кутайсова "глупым невеждой, который готов был все выносить, холопом"{99} Павла I, оставил целый панигирик его сыну: "Все то, что может льстить только тщеславию, все то, что может жестоко оскорбить самолюбие, все то испытал Кутайсов почти в ребячестве. После перемены царствования всякий почитал обязанностью лягнуть падшего фаворита, который поспешил удалиться за границу, а жену и детей оставил в Петербурге на жертву ненависти и презрения. Однако же на спокойное, благородное и прекрасное лицо меньшего его сына ни один дерзкий взгляд не смел подняться. Что удивительного, если все женщины были от него без ума, когда мужчины им пленялись? Не знаю, кого бы он не любил, но некоторых любил более прочих, и мне кажется, что я был в числе их". Подчиненные обожали Кутайсова. "Обращения его с ними я никогда не забуду; я бы назвал его чрезвычайно искусным, если бы не знал, что в этом человеке все было натуральное; все глядели ему в глаза, чтобы предугадать его желания, и он казался старшим братом между меньшими, которые любят и боятся его: в нем была какая-то магия. Вокруг Кутайсова было все так живо,

так весело и вместе с тем так пристойно, как он сам; молодые дамы могли бы, не краснея, находиться в его военном обществе. Вскоре потом умер он героем, как умереть ему надлежало. Спасибо Жуковскому, что он в прекрасных стихах сохранил память о столь прекрасном существовании: без него простыл бы и след такого диковинного человека"{100}.

Тело героя не было найдено, его могилой стала священная Бородинская земля, но имя Кутайсова украшает Георгиевский зал Большого кремлевского дворца, главный памятник Бородинского поля, обелиск Бородинского моста, фасад Музея-панорамы "Бородинская битва", памятные доски храма Христа Спасителя, а скульптурное изображение по праву занимает достойное место среди портретов лучших военачальников Российской Императорской армии на памятнике "Славным сынам народа", что на Кутузовском проспекте Москвы.

Об Александре Ивановиче Кутайсове нет ни одного серьезного научного биографического исследования, мало внимания уделяли ему современники, художники оставили всего два известных сегодня портрета, один из которых "среди начальников народных наших сил" в Военной галерее Зимнего дворца. Не баловали его писатели и поэты. Не велик и его архив.

Недавно я получил возможность прикоснуться к документам, много лет хранившим ауру человека, которому были адресованы или чьей рукой были написаны. С огромным волнением листал я пожелтевшие листки разного формата и оттенка, исписанные выцветшими ореховыми чернилами. Дело начинается тремя вышеупомянутыми письмами Александра Кутайсова брату Павлу, написанными по-французски. Наконец я впервые увидел мелкий, аккуратный, убористый почерк своего героя. Письма не содержат информации, связанной с подготовкой к войне. Далее следовало сообщение Александра Ивановича главному военно-медицинскому инспектору действительному статскому советнику Я.В. Виллие о перемещении штаб-лекаря Виноградова и выплате ему жалования за 1807 год. Документ этот не имеет даты и подписи, написан писарем или адъютантом, поэтому можно считать его черновиком или копией. К аналогичной категории документов можно отнести и рапорт графа Кутайсова за № 289 из г. Вильно инспектору всей артиллерии генерал-адъютанту барону П.И. Меллеру-Закомельскому об отправке в ремонт 6-фунтовой пушки 32-й легкой артиллерийской роты 17-й артиллерийской бригады 17-й же пехотной дивизии 2-го пехотного корпуса. Рапорт не имеет подписи, а для даты подготовлено только место - "апреля ... дня 1812 года", но она не вписана.

Следующие пять страниц занимает письмо генералу

Кутайсову от 10 мая 1812 года из г. Свенцианы, подписанное Ростиславом Захаровым. Его автор капитан гвардейской артиллерии, хорошо знакомый с А.П. Ермоловым, П.И. Меллером-Закомельским и цесаревичем Константином Павловичем. Из письма понятно, что у Р.И. Захарова в Петербурге остались родители и жена с детьми, что на службе его удерживает только надвигающаяся война и что под начальством Кутайсова он готов служить, оставаясь капитаном, хотя уже вполне заслужил чин полковника. Сомнений не было - передо мной лежало собственноручное письмо Ростислава Ивановича Захарова, командира 1-й легкой батареи лейб-гвардии конной артиллерии, геройски погибшего в Бородинском сражении. Из письма стало известно, что между Захаровым и Кутайсовым существовала дружеская переписка. Но где теперь эти письма?

Далее в деле хранятся три письма по-французски к графу Кутайсову в Вильно из Риги от 26 марта, 15 апреля, 14 мая и одно - по-русски, не датированное, от тетушки Н.В. Резвой. Вероятно, и первые три письма бытового характера тоже от родственников. Несколько скучных писем чиновников различных уровней кануна войны касаются поставок лошадей для артиллерии. Три письма от офицера Павла Фадеева содержат настоятельные просьбы о переводе по службе. Мне пока не удалось ничего отыскать об авторе этих писем, но и желания особого нет, ибо их содержание весьма скудно в информационном отношении, как и записка полковника Павла Мерлина, командира 4-й конно-артиллерийской роты, написанная за три дня до начала военных действий, о получении 10 лошадей и своем недомогании.

Несомненный интерес представляет доклад подполковника К. Зандена Кутайсову от 31 марта 1812 года из Риги - о результатах экспериментальной проверки новых диоптров, т.е. прицелов, новой картечи, пули которой делались из чугуна, и штурмовых бочек. Последнее устройство предназначалось для обороны крепостей и состояло из одного или нескольких бочонков с порохом, внутри которых помещались различные мелкие металлические предметы или артиллерийские гранаты, а в стенки вставлялись запальные трубки. Бочонки поджигали и сбрасывали или скатывали на штурмующих. В последнем случае бочонки надевали на общую ось с колесами. Сначала взрывался порох и разлетались поражающие металлические предметы, а потом на десятки осколков разрывались гранаты. Свое письмо Занден завершал уверенностью в успехе обороны Риги от наполеоновских войск.

После просьбы об отсрочке поставки лошадей, адресованной

Кутайсову, сопроводительной записки графа от 5 июня 1812 года к свертку с картами, которого в деле нет, и частного письма от Элеоноры Грасервис (?) помещено письмо племяннику от генерала Д.П. Резвого из Дунайской армии от 20 апреля (год не указан). В письме дядюшка сетует, что племянник не балует его письмами и интересуется, получил ли граф отправленную ему трофейную саблю. Дойдя до этого места в письме, я подумал: а не была ли эта сабля на Кутайсове в Бородинском сражении? Ведь известно, что один из офицеров передал саблю с убитого графа А.П. Ермолову, а он отослал ее Павлу Кутайсову. Но пока эта версия нуждается в исследовании, как и вопрос о дальнейшей судьбе сабли и наградных знаков Александра Кутайсова. Далее Резвой жалуется на необъективность оценки состояния артиллерийских рот присланным инспектором.

Об активной подготовке войск к войне говорит не только письмо Резвого, но и собственноручная записка П.И. Меллера-Закомельского Кутайсову от 13 марта 1812 года (год установлен на основании ее содержания). Инспектор всей артиллерии, находившийся при 1-й армии, проверил артиллерийские роты 11-й и 23-й артиллерийских бригад и отметил, что "недостатки велики". В наказание Меллер-Закомельский потребовал, "чтобы сей же час у Назимова (командовавшего 23-ей бригадой подполковника. - А.С.) жалования половину остановить и где имение есть описали непременно"{101}. Главный недостаток состоял в неукомплектованности рот лошадьми и людьми. И это за два месяца до войны!

О гостеприимстве Кутайсова говорит недатированная записка, в которой неизвестный автор приглашает своего столь же неизвестного приятеля поехать вечером к графу. Следующее затем письмо по-французски Васильевой из Санкт-Петербурга от 5 августа 1818 года к своему отцу может являться автографом сестры Александра (фамилия ее по мужу Васильева). Последующие два документа имеют прямое отношение к семье Кутайсовых. Эго расписка, И.П. Кутайсова от 13 декабря 1812 года в получении денег по разделу имений и справка о его имениях. Эту группу документов завершает распоряжение М.Б. Барклая де Толли сообщить, какая артиллерийская рота была на высочайшем смотре 16 апреля 1812 года. В связи с чем последовал этот запрос - пока остается загадкой.

Далее на 14 листах представлены строевые рапорты об укомплектованности различных артиллерийских рот и расходе людей в апреле - мае 1812 года из артиллерии 1-й армии. Красиво докладывать в российской армии умели всегда, а вот на деле далеко не так часто все обстояло столь же гладко, как на

бумаге. Свидетельство тому - приказ Кутайсова № 106 от 24 мая 1812 года, копия которого сохранилась. Его содержание приводилось выше. Когда читаешь эти полные искреннего негодования строки приказа, невольно вспоминаются слова А.А. Аракчеева: "Тот мой враг, кто не исполняет своего дела как следует"{102}.

В группе самостоятельных документов представлены: указ от 20 мая 1812 года о взыскании неустойки по контракту с отставного ротмистра Лучки; копия приказа о перемещении артиллерийских офицеров "высочайшим повелением" от 12 мая 1812 года; распоряжение генерал-лейтенанта Н.И. Лаврова от 29 мая того же года о выделении офицеров понтонных рот для постройки мостов; реестр вещам Кутайсова, отправленным в столицу летом 1811 года; план земель полковника А. Данилова; записка об отправке 50 лошадей в 26-ю артиллерийскую бригаду подполковника К.К. Таубе; доклад чиновника Андреева о получении пороха; письмо некоего Г. Савенко от 12 апреля 1812 года своему помещику Борису Борисовичу о положении в имении; письмо генерал-интенданту 1-й армии Е.Ф. Канкрину о поставках лошадей для армии из Виленской губернии и наконец три плана каких-то укреплений. Вполне вероятно, что не все из перечисленных документов имеют отношение к Кутайсову. Но самое интересное было впереди...

На 64 - 67-м листах дела я обнаружил список "Общих правил для артиллерии в полевом сражении". Это был тот самый утвержденный вариант, о котором я рассказал ранее. На 68-м листе начинался аналогичный список, исполненный другим почерком, с пометкой "копия" в правом верхнем углу. Я перевернул лист - и буквально замер: "канонический" текст на обороте 68-го листа был испещрен добавлениями и исправлениями. Это была рука А.И. Кутайсова! Исправлениям и дописка подвергся текст и на всех последующих страницах копии "Общих правил...". Кутайсов совершенствовал свое творение в ходе военных действий на основе боевой практики и высказываемых ему замечаний, урывками между баталиями, не предполагая, что живет в последние два месяца, а может быть, и торопясь завершить начатое в оставшиеся дни. О существовании этого документа не было известно, судя по публикациям и списку тех, кто заглядывал в это дело. И я счастлив, что этот документ сохранился и именно мне выпала честь придать его огласке.

Далее были помещены первоначальные варианты "Общих правил..." и их фрагменты, описанные ранее. Логически завершает эту группу документов список второй главы "Учреждения для управления большой действующей армии", в

написании которой Кутайсов сыграл значительную роль, ибо речь в ней идет о полевом артиллерийском управлении. Список полностью соответствует утвержденному тексту и не содержит никаких пометок.

Дело завершает письмо по-французски из Милана от 25 февраля 1801 года, обращенное к графу, но к какому и от кого - пока остается загадкой. Здесь же находятся несколько конвертов от разных писем, имеющихся в деле, но, к сожалению, без подписей и печатей.

Другое дело того же фонда состоит только из книжки записей А.И. Кутайсова за 1808 - 1809 годы. Книжка (или альбом) в жесткой черной обложке, под которой переплетены плотные квадратные листы белой бумаги, почти полностью исписана владельцем по-русски и по-французски. Кроме стихотворений, мудрых мыслей, дневниковых заметок и записей философского, лирического и нравственного содержания в книжке помещены списки писем знаменитых людей - Ю. Цезаря и П.А. Румянцева, а также выписки из работ военного характера - о принципах осады крепостей и об использовании артиллерии осажденными. Изучение этой записной книжки интересно для характеристики не только ее владельца, но и общества, к которому он принадлежал. Я не исключаю, что ряд вписанных в книжку стихотворений могут принадлежать самому А.И. Кутайсову. Пока же, как считает С.А. Малышкин, нам известно лишь одно стихотворение графа, помещенное в альбоме А.И. Бакуниной.

Рассказ об Александре Ивановиче Кутайсове можно окончить строками из первого, а может быть и единственного посвященного ему еще в 1812 году стихотворения его современницы, первой русской значительной поэтессы, поддерживаемой И.И. Дмитриевым, Г.Р. Державиным, А.С. Шишковым, И.А. Крыловым, М.И. Г.-Кутузовым, - А.П. Буниной:

"Ужель и ты!.. и ты
Упал во смертну мрежу!
Ужель и на твою могилу свежу
Печальны допустил мне рок бросать цветы,
Потоком слезным орошенны!
Увы! Где блага совершенны?
Где прочны радости? Их нет!
Вотще объемлюща надежду лживу
Нежнейша мать тебя зовет:
Твой заперт слух к ее призыву!
Вотще в свой дом, ликуя твой возврат,
Отец, сестры и брат
Заранее к тебе простерли руки!

Их дом ликующий стал ныне храмом скуки!
Как светлый метеор для них
Ты миг блистал лишь краткой!
И сонм друзей твоих,
Алкающих твоей беседы сладкой.
И сонм отборнейших мужей,
Что юного тебя с собой чли равноденным,
с кончиною твоей
Увяли сердцем сокрушенным!
Вотще и сонм краснейших дев,
Устроя громкие тимпаны,
Ждет в пиршества тебя избранны:
Не будешь ты!.. тебя похитил смерти зев!
Так жизни на заре коснулся он заката!
На место гипса и агата
На гробе у него с бессмертным лавром шлем,
И вопли слышны
Муз на нем!
Но что герою обелиски?
Что мой несвязный стих?
Не будет славен он от них!
Поверженные в ад враги российски
Твоею, граф, рукой
Воздвигнут памятник нетленный твой,
А жизнь Отечеству на жертву принесенна
Есть слава, храбрых вожделенна!"{103}

Примечания

{1} Знаменитые россияне XVIII - XIX веков. Биографии и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича "Русские портреты XVII и XIX столетий". СПб., 1996. С. 359.

{2} Там же. С. 360.

{3} История родов русского дворянства. Кн. 2. М., 1991. С. 107.

{4} Глушковский А.П. Воспоминания балетмейстера. Л. - М., 1940. С. 130-131.

{5} Декабристы - литераторы. Т. II. Кн. 2. М., 1956. С. 395-396.

{6} России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 380.

{7} Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т. I. СПб., 1845 (сквозной номерации страниц нет).

{8} Там же.

{9} Там же.

{10} Там же.

{11} Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. С. 251.

{12} Потоцкий П.П. Сто лет русской конной артиллерии// Артиллерийский журнал, 1894, № 3. С. 41-42.

{13} Там же.

{14} Ратч Г.М. Публичные лекции, читанные господам офицерам гвардейской артиллерии//Артиллерийский журнал, 1861, № 11. С. 842.

{15} Ратч Г.М. ...//Артиллерийский журнал, 1861, № 10. С. 780-781.

{16} Давыдов Д.В. Сочинения. Т I. СПб., 1893. С. 206-208.

{17} Там же. С. 142.

{18} Там же. С. 221-222.

{19} Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 355.

{20} Ермолов А.П. Записки. М., 1863. С. 166.

{21} Ермолов А.П. Записки. Ч. I. М., 1865. С. 81-82.

{22} Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч.

{23} Там же.

{24} Там же.

{25} России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 380.

{26} Чичерин А.В. Дневник. М., 1966. С. 60.

{27} Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1940. С. 128.

{28} Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Т. XXXII. СПб., 1830. С. 161-163.

{29} Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Фонд 129. Ед.хр. 22. Л. 12.

{30} Там же. Л. 71-72об.

{31} Там же. Л. 73-73об.

{32} Столетие Военного министерства. Т. IV. Ч. I. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 1. СПб., 1903. С. 315-318.

{33} Столыпин Д.А. О употреблении артиллерии в поле// Военный журнал. 1810, Кн. 2. С. 46.

{34} Там же. С. 45-46.

{35} Там же. С. 43-44.

{36} 1812 год. Военные дневники. М., 1990. С. 64.

{37} Там же. С. 68.

{38} Там же. С. 73, 76.

{39} ОПИ ГИМ... Л. 52-52об.

{40} Там же. Л. 52об.

{41} Васильев А.А., Елисеев А.А. Русские соединенные армии при Бородине 24-26 августа 1812 г.: Состав войск и их численность. М., 1997. С. 64.

{42} Материалы Военно-ученого архива Генерального штаба. Отечественная война 1812 года. Отд. I Т. XIII. СПб., 1910. С. 290.

{43} Там же. Т. XVII. С. 123.

{44} Бумаги, относящиеся до Отечественной войне 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VI. М., 1901. С. 106.

{45} Там же. Ч. X. М., 1908. С. 425.

{46} Дивов Н.А. Воспоминания//Русский архив, 1873, Кн. 1. Ст. 01333-01335.

{47} Бумаги... Ч. VIII. М., 1904. С. 102.

{48} Материалы...Т. XIV. СПб., 1910. С. 137.

{49} Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 132.

{50} Ермолов А.П. Записки. Ч. 1. М., 1865. С. 167.

{51} Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч.

{52} России двинулись сыны... С. 397-398.

{53} Там же. С. 399.

{54} 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 178-179.

{55} России двинулись сыны... С. 323.

{56} Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1962. С. 534.

{57} России двинулись сыны... С. 403.

{58} Русский архив, 1873, Кн. 1. Ст. 01335.

{59} Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч.

{60} Русский архив, 1873, Кн. 1. Ст. 01336.

{61} Любенков Н. Рассказ артиллериста о деле Бородинском. СПб., 1873. С. 23-25.

{62} Военный журнал, 1810, Кн. 2. С. 49.

{63} М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. М., 1954. С. 139.

{64} Там же.

{65} Норов А.С. Война и мир. С исторической точки зрения и по воспоминаниям современника. По поводу сочинения графа Л.Н. Толстого "Война и мир". СПб., 1903. С. 144.

{66} Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. Т. II. СПб., 1859. С. 199.

{67} Давыдов Д.В, Сочинения. М., 1962. С. 528-529.

{68} Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч.

{69} Там же.

{70} Глинка В.М., Помарнацкий А.В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981. С. 131.

{71} Бородино... С. 280.

{72} Ратч Г.М. ...//Артиллерийский журнал, 1861, № 11. С. 843.

{73} Ермолов А.П. Записки. 1863. С. 163.

{74} Ермолов А.П. Записки. Ч. I. 1865. С. 197, 201-202.

{75} России двинулись сыны... С. 406-407.

{76} Русский архив, 1873, Кн. 1. Ст. 01337-01338.

{77} Давыдов Д.В. Сочинения. 1962. С. 528-529.

{78} Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч.

{79} Там же.

{80} Военно-энциклопедический лексикон. Т. VII. СПб., 1855. С. 594.

{81} 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. С. 48.

{82} Ермолов А.П. Записки. Ч. I. 1865. С. 198, 201-202.

{83} 1812 год. Военные дневники... С. 90-91.

{84} Российский архив. Вып. VII. М., 1996. С. 99.

{85} Там же. С. 139.

{86} Связь времен: граф: Кутайсов и Рождественский храм в селе Рождествено//Московские епархиальные ведомости, 2002, № 1-2. С. 3.

{87} Глинка Ф.Н. Очерки Бородинского сражения. Ч. 2. М., 1839. С. 45-46.

{88} Отечественная война в письмах современников. С. 136-137.

{89} 1812 год, 1912, № 3. С. 113.

{90} Бородино... С. 343.

{91} Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 2. СПб., 1839. С. 245-246.

{92} Норов А.С. ... С. 52-53.

{93} Бородино... С. 340.

{94} Богданович М.И. ...С. 199.

{95} 1812 года в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. II. Вильна, 1903. С. 26-27.

{96} Ларионов А.П. Использование артиллерии в Бородинском сражении//1812 год. Сборник статей. М., 1962. С. 130.

{97} ОПИ ГИМ... Л. 68-71об.

{98} Знаменитые россияне XVIII - XIX веков... С. 363.

{99} Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 77.

{100} Знаменитые россияне XVIII - XIX веков... С. 363-364.

{101} ОПИ ГИМ... Л. 29.

{102} Борисевич А.Т. Аракчеев, граф, Алексей Андреевич// Военная энциклопедия. Т. II. Пб., 1911. С. 638.

{103} И славили отчизну меч и слово. 1812 год глазами очевидцев. Поэзия и проза. М., 1987. С. 43-44.